

Министерство образования и науки Российской Федерации
Стерлитамакский филиал Федерального государственного бюджетного
образовательного учреждения высшего профессионального образования
«БАШКИРСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»

ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКИЕ ШТУДИИ 2014

Международная
коллективная
монография

Издательство Московского университета
2015

УДК 811'16; 811'161; 811.161.1; 811.161.3
ББК 81'054; 81'411.2; 81'411.3
Л 43

Издание выполнено в рамках международного академического сотрудничества научно-исследовательской инновационной Лаборатории аспектной лексикографии (Россия, Башкирский государственный университет, науч. рук. Н. В. Пятаева) и кафедры белорусского языкознания (Беларусь, Белорусский государственный педагогический университет им. Максима Танка, зав. каф. Д. В. Дятко)

Коллектив авторов:

Д. В. Дятко (Беларусь), А. В. Ерёмкина (Россия),
Э. Р. Каюмова (Россия), А. С. Кобыскан (Россия),
Л. П. Колоколова (Россия), Э. Т. Кубасова (Россия),
П. А. Михайлов (Беларусь), Н. В. Пятаева (Россия), Л. А. Сергеева (Россия),
Л. А. Шнайдерман (Россия), Е. А. Яковлева (Россия)

Редакционная коллегия:

Д. В. Дятко, кандидат филологических наук, доцент
Н. В. Пятаева, доктор филологических наук, профессор (отв. ред.)
И. А. Сыров, доктор филологических наук, профессор

Рецензенты:

Е. А. Огнева, доктор филологических наук, профессор
(Белгородский государственный национальный исследовательский университет)
Т. Ю. Тамерьян, доктор филологических наук, профессор, член-корреспондент РАН
(Северо-Осетинский государственный университет им. К.Л. Хетагурова)
В. Р. Тимирханов, доктор филологических наук, профессор
(Башкирский государственный университет)

Под редакцией Н.В. Пятаевой

Л 43 **Лексикографические штудии 2014:** международная коллективная монография / Под ред. Н.В. Пятаевой; Стерлитамакский филиал ФГБОУ ВПО «Башкирский государственный университет». – М.: Издательство Московского университета, 2015. – 356 с.

ISBN 978-5-19-010893-4

В монографии представлены результаты исследований коллектива авторов из России и Беларуси: обобщающие историко-методологические работы и фрагменты инновационных словарей в контексте сравнительно-исторической, системно-структурной, антропоцентрической и интроспективной парадигм современной лексикографии. Предлагаемое издание может быть полезно преподавателям, студентам-филологам, магистрантам и аспирантам, специалистам в области истории, теории и практики лексикографии.

С 1-го марта 2015 г. электронная версия монографии доступна в РИНЦ (www.elibrary.ru) и размещена на сайтах www.biblioclub.ru и www.directmedia.ru

УДК 811'16; 811'161; 811.161.1; 811.161.3
ББК 81'054; 81'411.2; 81'411.3

© Коллектив авторов, 2015
© Стерлитамакский филиал ФГБОУ ВПО
«Башкирский государственный университет», 2015

ISBN 978-5-19-010893-4

Ministry of Education and Science of the Russian Federation
Sterlitamak Branch of Federal State Budget Educational Institution
of Higher Professional Education
«BASHKIR STATE UNIVERSITY»

LEXICOGRAPHICAL STUDIES 2014

International
collective
monograph

Moscow University Press

2015

The publication is made in the framework of international academic cooperation of research innovative Laboratory of aspect lexicography (Russia, Bashkir State University, scientific adviser N. V. Piatayeva) and department of Belarusian linguistics (Belarus, Maxim Tank Belarusian State Pedagogical University, head of department D. V. Dziatko)

Composite authors:

D. V. Dziatko (Belarus), A. V. Eremina (Russia),
E. R. Kayumova (Russia), A. S. Kobyskan (Russia)
L. P. Kolokolova (Russia), E. T. Kubasova (Russia)
P. A. Mikhailau (Belarus), N. V. Pyataeva (Russia), L. A. Sergeyeva (Russia)
L. A. Shnaiderman (Russia), E. A. Yakovleva (Russia)

Editorial board:

D. V. Dziatko, Candidate of Philology, associate professor
N. V. Pyataeva, Doctor of Philology, Professor (editor-in-chief)
I. A. Syrov, Doctor of Philology, Professor

Reviewers:

E. A. Ogneva, Doctor of Philology, Professor
(Belgorod State National Research University)
T. U. Tameryan, Doctor of Philology, Professor,
member-correspondent of RANS
(Khetagurov North-Ossetian State University)
V. R. Timirkhanov, Doctor of Philology, Professor
(Bashkir State University)

Edited by N. V. Pyataeva

Lexicographical Studies 2014: International collective monograph /
Edited by N. V. Piatayeva; Sterlitamak branch FSBEI HPE “Bashkir State
University”. Moscow: Moscow University Press, 2015. – 356 p.

ISBN 978-5-19-010893-4

The monograph presents the results of research group of authors from Russia and Belarus: summarizing historical and methodological work and innovative dictionaries fragments in the context of comparative historical, system-structural, anthropocentric and introspective paradigms of modern lexicography.

The proposed publication may be useful for teachers, students-philologists, undergraduate and postgraduates, specialists in the field of history, theory and practice of lexicography.

ISBN 978-5-19-010893-4

© Composite authors, 2015

© SB FSBEI HPE “Bashkir State University”, 2015

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	<i>(Д.В. Дятко, Н.В. Пятаева)</i>	7
Раздел I. Сравнительно-историческая парадигма современной лексикографии		9
Диахронический словообразовательный словарь этимологического гнезда *jьm-	<i>(Н.В. Пятаева)</i>	9
Раздел II. Системно-структурная парадигма современной лексикографии		74
2.1. Тематический словарь лексических неологизмов русского языка начала XXI в.	<i>(Э.Р. Крюмова)</i>	74
2.2. Словарь современной автоспортивной терминологии	<i>(А.С. Кобыскан)</i>	94
2.3. Словарь джазовой терминологии	<i>(Е.А. Яковлева, Э.Т. Кубасова)</i>	111
Раздел III. Антропоцентрическая парадигма современной лексикографии		144
3.1. Словарь языка поэзии А.К. Толстого	<i>(Л.А. Шнайдерман)</i>	144
3.2. Словарь образных ассоциаций ключевой идеи «Душа»	<i>(А.В. Ерёмкина)</i>	209
3.3. Идеографический словарь функционально-когнитивной сферы «Материальное состояние» (фрагмент)	<i>(Л.П. Колоколова)</i>	234
Раздел IV. Интроспективная парадигма современной лексикографии		260
4.1. Белорусская диалектная лексикография на рубеже столетий: становление и перспективы	<i>(П.А. Михайлов)</i>	260
4.2. Академик Е.Ф. Карский: у истоков белорусского языкознания	<i>(Д.В. Дятко)</i>	279
4.3. Профессор М.Г. Булахов: славист, лексикограф, историк языка	<i>(Д.В. Дятко)</i>	307
4.4. Профессор З.П. Здобнова: диалектолог и лексикограф	<i>(Л.А. Сергеева)</i>	337
Сведения об авторах редакторах и рецензентах		354
Резюме на английском языке	<i>(Н.Б. Мухина, Н.В. Пятаева)</i>	356

CONTENTS

Preface	<i>(D.V. Dziatko, N.V. Pyataeva)</i>	7
Section I. Comparative-historical paradigm of modern lexicography		9
Diachronic derivational dictionary of etymological nest *jьm-	<i>(N.V. Pyataeva)</i>	9
Section II. System-structural paradigm of modern lexicography		74
2.1. Thematic dictionary of lexical neologisms of Russian language of the early XXI century	<i>(E.R. Kayumova)</i>	74
2.2. Dictionary of modern motorsport terminology	<i>(A.S. Kobyskan)</i>	94
2.3. Dictionary of jazz terminology	<i>(E.A. Yakovieva, E.T. Kubasova)</i>	111
Section III. Anthropocentric paradigm of modern lexicography		144
3.1. Dictionary of the language of the poetry of A.K. Tolstoy	<i>(L.A. Shnaiderman)</i>	144
3.2. Dictionary of figurative associations of the key idea "Soul"	<i>(A.V. Eremina)</i>	209
3.3. Ideographic dictionary of functional-cognitive field "Material conditions" (fragment)	<i>(L.P. Kolokolova)</i>	234
Section IV. Introspective paradigm of modern lexicography		260
4.1. Belarusian dialect lexicography at the turn of the centuries: development and prospects	<i>(P.A. Mikhailau)</i>	260
4.2. Academician E. F. Karsky: at the origins of the Belarusian linguistics	<i>(D.V. Dziatko)</i>	279
4.3. Professor M.G. Bulakhov: Slavic philologist, lexicographer, historian of language	<i>(D.V. Dziatko)</i>	307
4.4. Professor Z.P. Zdobnova: dialectologist and lexicographer	<i>(L.A. Sergeyeva)</i>	337
Information on the authors and the reviewers		354
Summary	<i>(N.B. Mukhina, N.V. Pyataeva)</i>	356

4.2. АКАДЕМИК Е. Ф. КАРСКИЙ: У ИСТОКОВ БЕЛОРУССКОГО ЯЗЫКОЗНАНИЯ

Д.В. Дятко

Гипотезы, построенные теоретически, опирающиеся на незначительное количество фактов, часто случайных, со временем могут оказаться не имеющими под собой именно исторической почвы и, следовательно, лишёнными цены, тогда как факты языка никогда не потеряют значения.
Е.Ф. Карский

Научным наследием, которое оставил потомкам Евфимий Фёдорович Карский, мог бы по праву гордиться любой академический институт.

Широкая эрудиция, научная честность, исключительное трудолюбие в сочетании с исследовательской системностью и наличием своей особой позиции позволили академику Е.Ф. Карскому занять одно из самых почётных мест в ряду не известных деятелей восточнославянской науки и образования.

Почти сто лет назад, 24 апреля 1916 г., ведущие российские филологи – академики А.А. Шахматов, В.Н. Перетц, А.И. Соболевский, Н.А. Котляревский, предлагая выбрать Е.Ф. Карского ординарным академиком Императорской Санкт-Петербургской Академии наук, совершенно обоснованно утверждали, что «Е.Ф. Карского можно по справедливости назвать основателем белорусского языкознания и белорусской

филологии» [Протоколы 1916]. В сферу научных интересов Е.Ф. Карского входили разнообразные, хотя и взаимосвязанные, сферы научных исследований: история языка и палеография, диалектология и лингвогеография, литературоведение и фольклористика.

Евфимий Фёдорович Карский родился 1 января 1861 г. (по новому стилю) в деревне Лаша тогдашнего Гродненского уезда в семье псаломщика Фёдора Николаевича Новицкого и дочери дьяка Магдалины Онуфриевны Карской. Именно под материнской фамилией был записан новорождённый в метрической книге Лашанской церкви, поскольку его отец на тот момент ещё не достиг 18-летнего возраста и по российским законам не мог официально вступить в брак. В прошении, поданном будущим академиком на имя директора Историко-филологического института в Нежине в конце августа 1881 г., указывается: «При сём осмелюсь заявить, что в метрическом, а равно и призывном свидетельстве я записан под фамилией “Карский” – фамилией моей матери, так как я родился до брака моего отца с моей матерью. А что действительно моя мать вышла замуж за моего отца Фёдора Новицкого, в уверение сего прилагаю брачное свидетельство» [НГА].

В 1862 г. Фёдор Новицкий был назначен псаломщиком в Бытчанскую церковь, находящуюся в Борисовском уезде, где прослужил 4 года, пока не получил перевод в деревню Ятра Новогрудского уезда. Никаких точных сведений о жизни семьи Новицких в Ятре нет. В те времена это была малозаметная деревня, находящаяся в тридцати километрах от уездного Новогрудка, в котором тогда насчитывалось всего около 8 тысяч жителей.

Начальное образование Евфимий Карский получил в Ятранском приходском училище при церкви Рождества Богородицы. Священником в ней служил Василий Янушевский. Человек неравнодушный и достаточно образованный, он продолжительное время преподавал в училище и стал первым наставником будущего академика.

В Ятре Евфимий Карский жил до своего поступления в Минское уездное духовное училище в 1871 г., куда он попал по инициативе отца. Жизнь в Минской бурсе была достаточно сложной, полуголодной и проходила в окружении мало знакомых людей. Однако вопреки тяжёлым условиям Евфимий Карский занимался старательно и в четвёртый класс был переведён лучшим учеником [Борковский 1945: 4].

По окончании училища Евфимий Карский поступил в духовную семинарию, но позже решил отказаться от духовной карьеры и подал документы в Нежинский Историко-филологический институт князя Безбородко, куда был зачислен в сентябре 1881 г. На этот выбор, скорее всего, повлиял его дед по материнской линии Иван Карский, который собирал белорусский фольклор (в качестве корреспондента известного учёного П.В. Шейна) и публиковал свои этнографические исследования. Как и другие студенты, Евфимий Карский был вынужден подчиняться внутренним правилам института, предусматривавшим обязательное участие в ежедневной утренней молитве и регулярных церковных богослужениях. Возможно, именно такая регламентированность институтской жизни приучила Карского не бояться однообразия и монотонности, которые сопровождают труд исследователя.

Нежинский Историко-филологический институт многое дал для формирования

научного мировоззрения молодого учёного и пробуждения у него интереса к лингвистике: Е.Ф. Карский изучал славянские языки, а также классические греческий, латинский, санскрит, хорошо овладел сравнительно-историческим методом в языкознании. Определяющей в судьбе студента Карского стала встреча с талантливыми молодыми экстраординарными профессорами Романом Брандтом и Матвеем Соколовым. Уже через полгода с начала обучения Е.Ф. Карский написал и представил Р. Брандту свою первую научную работу – курсовое исследование «Объяснение 3-ей главы Евангелия от Иоанна по Остромировскому списку». Позже были написаны ещё три курсовые работы: «Особенности правописания и языка Супрасльской рукописи», «Белорусские песни с. Березовца Новогрудского уезда Минской губернии», «Особенности белорусского наречия» [КЕФ 2010].

В 1886 г. в десятом томе «Известий Историко-филологического института князя Безбородко в Нежине» увидело свет объёмное (в 170 страниц) сочинение Евфимия Карского «Обзор звуков и форм белорусской речи». Вскоре «Обзор...» был напечатан и в виде отдельного издания, публикации которого в значительной степени содействовал положительный отзыв профессора Р.Ф. Брандта, подчеркнувшего, что это солидная и основательная работа, основанная на хорошем знании автором языка своих родных мест, а также разнообразных научных источников, которыми Е.Ф. Карский пользовался продуманно и с осторожностью [Карский 1885¹].

Вторая половина XIX ст., когда Е.Ф. Карский начал свою научную деятельность, была временем жёсткой реакции, подавления любых проявлений национального самосознания нерусского населения. Попечитель Виленского учебного округа князь А.П. Ширинский-Шихматов предложил министру народного образования А.В. Головнину заменить коренных белорусов на преподавательских должностях на территории Северо-Западного края этническими русскими, а также направить в каждую школу православного священника из России. Тогдашняя официальная наука категорически отрицала национальную самостоятельность белорусского народа и статус белорусского языка как самостоятельного языка в восточнославянской подгруппе славянских языков. С середины 1860-х годов в соответствии с распоряжением Министерства образования Российской Империи белорусским ученикам запрещалось в стенах образовательных учреждений разговаривать между собой на родном языке.

Написанная в таких непростых условиях монография Евфимия Фёдоровича «Обзор звуков и форм белорусской речи» стала первым в истории белорусского языкознания всесторонним системным исследованием диалектов белорусского языка: во всех предыдущих работах разных ученых черты белорусского языка рассматривались фрагментарно, без учёта их системных связей.

В предисловии к книге Е.Ф. Карский писал:

«Будучи природным белорусом, получив воспитание и образование среди белорусов, следовательно, с самого детства до последнего времени вращаясь почти только в белорусской среде, автор приобрёл некоторую опытность в белорусских говорах, которую потом подкрепил знакомством с записанными произведениями белорусской речи. Но чем больше приходилось знакомиться с ними, тем чаще бросалась в глаза неудовлетворительность записи этих произведений; совершенно ненаучная, а чаще даже совершенно превратная передача звуков белорусских. Причина такого безотрадного явления совершенно понятна. Брались за изучение белорусской речи люди, по большей части лишь понаслышке знакомые с нею или же заранее составившие об ней превратные суждения... Что касается учёных исследований по белорусской речи, то их, можно сказать, ещё не существует...» [Карский 1885: 3].

В «Обзоре...» Евфимий Карский определил территорию расселения белорусов, их количество, выделил основные диалекты белорусского языка, подробно описал его фонетические и морфологические черты – особенно специфические (аканье, твёрдый непарный звук [р], типичный для белорусов фрикативный звук [г] – [γ], дзеканье и цеканье). В книге рассмотрены особенности белорусской речи жителей Минской, Гродненской, Витебской, Виленской, Могилёвской, части Тверской и Смоленской губерний. Письменными источниками для исследования послужили сборники белорусских песен, пословиц и поговорок П.А. Бессонова, М.А. Дмитриева, В. Дубовского, И.И. Носовича, П.В. Шейна, «Словарь белорусского наречия» И.И. Носовича, а также личные записи Е.Ф. Карского. Кроме того, автор пользовался некоторыми историческими

¹ В выходных данных этого издания 1885 год указан ошибочно. Работа увидела свет в 1886 г.

материалами: «Собрание древних грамот и актов городов Вильно, Ковно, Трок и др.» (1843), «Собрание древних актов и грамот городов Минской губернии» (1848), «Рукописное отделение Виленской публичной библиотеки» (1871).

В заключении Е.Ф. Карский остановился на вопросе о месте белорусского народа и его языка в так называемой «русской семье». В филологии XIX в. не было единодушия во взглядах по данному вопросу: одни учёные считали белорусские говоры «подговором» южновеликорусского наречия (И.И. Срезневский, А.А. Потебня), другие – «подговором» украинского языка (Ф. Миклошич), третьи – самостоятельным языком, наряду с великорусским и малоросским (украинским) (М.А. Максимович, Н.И. Надеждин).

Евфимий Фёдорович на основе всестороннего анализа фонетических систем славянских и восточнославянских языков убедительно доказывал, что белорусские говоры древнее южнорусских, и генетически они никак не выводятся из украинского языка: «Мы соотношение главнейших частей русского языка [общевосточнославянского – *авт.*] представим в следующем виде: русский язык распался на два наречия – великорусское и малорусское. Затем великорусское наречие разделилось на говоры: северновеликорусский, белорусский и южновеликорусский; белорусский говор впоследствии подвергся сильному перекрёстному влиянию малорусского наречия и польского языка» [Карский 1885: 160].

Некоторые выводы Е.Ф. Карского с точки зрения современной науки выглядят неубедительными, но для лингвистики конца XIX в. являются вполне закономерными. Так, Евфимий Фёдорович считал, что между диалектами белорусского языка нет существенных отличий, все они сводятся к тому или иному изменению основных белорусских примет и к некоторым частностям, легко объясняемым за счёт заимствований у соседей – русских, украинцев и поляков.

Высказывались Е.Ф. Карским и мнения весьма смелые для того времени: «Если принять во внимание колонизационное движение белорусского племени в области великорусские, тогда это сходство белорусского с южновеликорусским, действительно, придётся объяснять *заимствованием*, только заимствовали не белорусы у южновеликорусов, а наоборот. Так, что лучше бы сказать – не белорусы ветвь южновеликорусов, а наоборот...» [Карский 1885: 157]. Эту мысль Е.Ф. Карского через несколько десятилетий поддержали российские ученые: так, в «Истории русского литературного языка (XI – XVII вв.)» профессора Б.А. Успенского читаем: «Как это ни парадоксально, значение “простой мовы” [старобелорусского языка – *авт.*] для истории русского литературного языка не меньше, если не больше, чем значение этого феномена для истории украинского и белорусского литературных языков» [Успенский 2002: 411].

Первая работа Е.Ф. Карского легла в основание по-настоящему научного изучения белорусского языка и открыла для тогдашней филологии его фонетические и морфологические особенности. Проведённое исследование показало, что белорусский язык пока ещё остаётся малоразработанным и что для дальнейшего объективного освещения его особенностей необходимо, с одной стороны, подробное изучение языка «западно-русских» (старобелорусских) письменных памятников, а с другой – белорусских говоров во всём их разнообразии, что и стало одним из главных предметов будущих научных изысканий академика Карского.

Именно «Обзор...», в котором Е.Ф. Карский разработал научные основания грамматики белорусского языка, через 30 лет послужил одним из важнейших источников лингвистической информации в написанной Брониславом Тарашкевичем известной «Беларускай граматыцы для школ» 1918 г. Вместе с тем, как и любое серьёзное исследование, работа имела ряд недостатков. Академик А.И. Соболевский в своей рецензии подчёркивал высокий научный уровень сочинения Е.Ф. Карского, однако при этом об-

ращал внимание, что в нём предлагается только статичное описание белорусского языка, его звуков и форм, и почти не затрагиваются проблемы их эволюционного исторического развития. Кстати, Е.Ф. Карский и сам это признавал. Так, в предисловии он отмечал, что в связи с ограниченностью и несовершенством источников о белорусских говорах при анализе их особенностей пришлось опираться на личный опыт и в качестве основного критерия рассматривать свой говор. В «Обзоре...» в необходимом объёме отсутствовали сведения для определения границ белорусских говоров в целом, не вполне конкретно очерчивались различия между северо-восточными и юго-западными говорами, невыразительными были принципы их разграничения и группировки. Конечно, Евфимий Фёдорович прислушался к оценкам академика А.И. Соболевского и в следующей большой работе – «К истории звуков и форм белорусской речи», опубликованной в «Русском филологическом вестнике» (1890 – 1893), выступил как основатель исторической фонетики и исторической грамматики белорусского языка [Карский 1893].

После блестящего окончания пятилетнего курса обучения в Нежине Евфимий Карский на заседании Конференции института в августе 1885 г. был утверждён преподавателем во Вторую Виленскую гимназию, где преподавал русский и старославянский языки, а также русскую литературу. В это время Е.Ф. Карский начал активно собирать этнографический материал (в чём ему немало помогали родители) и печататься в научных сборниках, кроме того, он много работал в рукописном отделении Виленской библиотеки над изучением древних белорусских письменных памятников.

23 октября 1893 г. в Киевском университете Евфимий Карский на основе своего университетского исследования защитил первую в истории диссертацию по белорусскому языку на соискание степени магистра русского языка и словесности. Между окончанием университета и защитой диссертации прошло 8 лет. Причиной временного отвлечения Е.Ф. Карского от интенсивной научной деятельности стала семейная жизнь: в 1887 г. Евфимий Фёдорович женился на Софии Николаевне Сцепуржинской (дочери настоятеля Спасо-Преображенской церкви в деревне Цырин) и чтобы материально обеспечивать молодую семью был вынужден практически всё свободное время отдавать преподаванию в гимназии и частным урокам. Через год будущий академик стал отцом. Неслучайно давний знакомый и учитель Е.Ф. Карского профессор Р.Ф. Брандт, обеспокоенный судьбой способного ученика, прислал ему письмо с провокационным вердиктом: «Учёным Вы уже не станете». Прочтя это послание, жена Евфимия Карского приняла решение во всем содействовать научным занятиям мужа и слово своё сдержала [Rozmowa 2010: 43].

В сентябре 1892 г. Е.Ф. Карский подал прошение на имя ректора Варшавского университета: «Евиду открывающейся при вверенном Вашему Превосходительству университете лектуры русского языка, честь имею покорнейше просить ходатайствовать пред кем следует о предоставлении упомянутого места мне. К сему прилагаю список моих учёных трудов» [Самойленко 2011: 5]. Аналогичное прошение поступило от магистра Е.Ф. Будде – позднее известного учёного-слависта, члена-корреспондента Российской Академии наук, репрессированного в 1931 г. Конкурсное дело о замещении вакантной должности рассматривалась объективно и подробно. Была сформирована даже специальная комиссия, в состав которой вошли авторитетные российские учёные профессора А.И. Смирнов, К.Я. Грот, П.А. Кулаковский.

Научный интерес представляет отзыв профессора А.И. Смирнова о научных работах конкурсантов (1892 г.): «Из всех статей г. Карского особенное значение имеют две: *Обзор звуков и форм белорусской речи* и *К истории звуков и форм белорусской речи*. Первый труд представляет довольно полный обзор белорусского наречия, составленный на основании известного до 1885 г. в печати материала. Этою книгою, как хорошим пособием пользовался проф. Соболевский в “Лекциях по истории русского языка”

и проф. Владимиров в своём сочинении «Доктор Франциск Скорина». Гораздо ценнее второй труд г. Карского, который печатался в Рус. Фил. Вестнике. Его напечатано теперь около 13 листов, окончание около 3 – 4 листов напечатано будет в 1893 г. В этом труде отмечены особенности звуков и форм 12 памятников (иногда очень крупных) старого западно-русского наречия, начиная с XVI в.; кроме того рассмотрен язык старых западно-русских грамот и актов с древнейших времён до конца XV в., а также актов XVI в. По этому разработанному материалу можно составить теперь довольно реальный облик старого западно-русского наречия. Старинные особенности языка автор сопоставлял с данными новейших белорусских говоров не только по прежнему своему труду («Обзор...»), но и по новым материалам, извлечённым из сборников Шейна, Романова, Добровольского и других сборников, явившихся в свет после 1885 г. Метод исследования правильный, научный. Научных результатов больше, чем у г. Будде по тому же предмету, и книга г. Карского может быть принята в качестве магистерской диссертации» [Самойленко 2011: 10 – 11].

По результатам работы комиссии и.о. декана историко-филологического факультета Г.Е. Струве доложил ректору: рассмотрев учёные труды кандидатов, члены комиссии пришли к заключению, что «оба имеют полное право на заглавие лектуры русского языка в Варшавском университете», но обсуждая характер главных трудов обоих кандидатов, члены Комиссии «обратили внимание на то обстоятельство, что г. Карский более знаком с западным краем и что здесь он может найти материал для дальнейших учёных работ по изучению старого зап.-рус. языка и совр. зап.-рус. говоров» [Самойленко 2011: 6]. В результате с февраля 1893 г. Евфимий Карский перешёл работать в Варшавский университет: сначала лектором русского языка, потом экстраординарным, а с 1897 г. ординарным профессором кафедры русского и славянского языка и истории литературы.

Работая с текстами, Е.Ф. Карский старался избегать перепечаток и ориентировался на оригиналы письменных памятников. Много времени он отдавал изучению рукописей в библиотеках Вильни, Петербурга, Москвы, Варшавы, Киева, Слуцка. Результатом такой кропотливой работы стало исследование «Два памятника старого западно-русского наречия» (1893), в котором изучался катехизис Сымона Будного 1562 г. и Католический катехизис 1585 г. В следующем году в «Варшавских университетских известиях» была опубликована новая работа Е.Ф. Карского под названием «О языке так называемых литовских летописей», в которой предлагался палеографический и языковой анализ трёх письменных памятников.

Как свидетельствует личная переписка Евфимия Карского, сразу после получения магистерской степени он задумался над написанием докторского исследования и в самом начале 1894 г. обратился к профессору Московского университета Алексею Ивановичу Соболевскому, высоко оценившему его работы по белорусскому языкознанию, с просьбой подсказать диссертационную тему, отметив при этом: «Мне хотелось бы держаться той же западно-русской области». А.И. Соболевский посоветовал сосредоточиться на исследовании истории и языка западно-русских переводов псалтири [Карская 1982: 111]. В результате через два с половиной года 9 ноября 1896 г. профессор Варшавского университета по кафедре церковнославянского и русского языков Евфимий Карский на заседании Совета Императорского Московского университета успешно защитил докторскую диссертацию «Западно-русские переводы псалтири в XV – XVII веках». Официальными оппонентами на защите выступили университетские учителя Е.Ф. Карского, одиннадцать лет назад принимавшие у него выпускные экзамены, – Роман Брандт и Матвей Соколов [Карский 2008: 9].

В диссертации, опубликованной в том же году в виде отдельного издания, Е.Ф. Карский проанализировал восемь рукописных и четырнадцать старопечатных псалтирей. В своё время это были исключительно популярные произведения, по которым обучались грамоте. Их перевод с церковнославянского языка на старобелорусский засвидетельствовал престиж последнего в период Великого княжества Литовского, а также высокий культурный уровень белорусского народа. Со свойственной ему убедительностью Е.Ф. Карский показал, что белорусский язык имел полный арсенал средств для передачи разнообразных абстрактных понятий, образной структуры книжно-церковной лексики, сложных грамматических конструкций.

Таким образом, за 10 лет научной деятельности Е.Ф. Карский написал целый ряд авторитетных работ, опубликовал свыше 1230 страниц научных текстов. Насколько богатый результат мог появиться только у очень организованного исследователя. По воспоминаниям потомков Е.Ф. Карский был человеком порядка и большой

самодисциплины. В доме всё сияло чистотой. Одежда на нём всегда была аккуратная и свежая: с утра он надевал белую сорочку, костюм и ботинки, повязывал галстук – даже когда весь день работал дома. Никаких халатов, пижам, домашних туфель. В летнюю жару он носил лёгкий чесучовый пиджак и светлые суконные брюки. В его кабинете также всегда был идеальный порядок. Он точно знал, в каком шкафу, на какой полке, на каком месте находится необходимое издание. Стол никогда не был завален книгами и рукописями – на нём лежала только одна книга, необходимая для работы в данный момент. Исключительная память Е.Ф. Карского, который даже незадолго до смерти цитировал целые разделы из произведений на древнегреческом и латинском языках, позволяла ему без особых сложностей находить необходимую цитату того или иного автора [Баркоўская 1961: 156].

Академик Виктор Борковский писал в воспоминаниях: «Я стал филологом и глубоко благодарен Евфимию Фёдоровичу, что выбрал этот путь. Евфимий Фёдорович был строгим учителем (я готовился к профессуре под его руководством), не прощающим ни малейшей фактической ошибки, не любящим верхоглядство. Он требовал знания не только восточнославянских языков, но также польского, чешского, сербского и болгарского. По его мнению, узкая специализация приносит вред филологической науке. Евфимий Фёдорович являлся для нас, проходивших у его научную подготовку, недостижимым образцом, потому что был и языковедом, и литератором, и палеографом, и этнографом, и прославил родную науку во всех этих областях» [Баркоўскі 1961: 155].

По словам академика Бориса Ляпунова [Ляпунов 1932], Е.Ф. Карский отличался стойкостью, сдержанностью и вместе с тем мягкостью и снисходительностью по отношению к людям и их работам. Принимая к печати (в качестве редактора) исследовательские работы разных научных направлений, он всегда стремился увидеть положительные стороны рецензируемых им книг.

Евфимий Карский отлично знал Беларусь. Он много и часто путешествовал, проводил полевые исследования, в некоторых местах останавливался на долгое время. Так,

в конце 1870-х – 1880-е гг. он проводил летние отпуска, а также рождественские и пасхальные каникулы в деревне Березовец Новогрудского уезда Минской губернии, в начале XX в. неоднократно гостил у Ивана Новицкого в местечке Блячин на Случчине. В 1886 г. вместе с будущей женой посетил местечко Миратичи Новогрудского уезда Минской губернии. Несколько летних отпусков Карский провёл на Гродненщине – в имениях Мигово и Понемунь. Дочь Евфимия Карского Наталья Борковская писала в воспоминаниях: «Лето мы обычно проводили на даче под Гродно. Если отец не отправлялся в очередную, иногда очень тяжёлую и далёкую экспедицию по изучению белорусских говоров, то и на даче писал свои работы» [Баркоўская 1961: 156].

Евфимий Фёдорович регулярно проводывал родителей, которые часто меняли места жительства, а заодно знакомился с бытом сельчан, изучал местные говоры, записывал фольклор. Так, в 1895 г. будущий академик продолжительное время проживал у родителей в местечке Волма Минского уезда, посещал семью после перевода отца на службу в деревню Городная Пинского уезда, приезжал к родителям летом 1903 г. в деревню Дунайчицы Слуцкого уезда.

Восемь лет (с 1885 по 1893 гг.) Евфимий Карский проживал в Вильно, там же останавливался, когда принимал участие в IX Археологическом съезде, для некоторых важных личных встреч, а также в связи с переговорами по изданию III-го тома «Белорусов» в виленской типографии «Гражданин» (1919 г.).

Значительную часть Беларуси и приграничных территорий Е.Ф. Карский объехал с экспедициями по сбору фольклорного и языкового материала: Новогрудский, Борисовский, Минский и Слуцкий уезды Минской губернии, Сокольский, Белостокский и Гродненский уезды Гродненской губернии, а также разные деревни, местечки и города в других уездах Могилёвской, Минской и Гродненской губерний [КЕФ 2010]. Немало времени провёл Е.Ф. Карский в экспедициях по территориям губерний, граничащих с белорусскими землями: в самом начале XX в. он изучал Августовский уезд Сувалкской губернии, ряд уездов Курляндской, Псковской, Смоленской, Тверской, Калужской, Орловской и Черниговской губерний.

Многочисленные поездки помогли Евфимию Карскому очертить границы распространения белорусского этноса, исследовать совокупность языковых черт, отличающих белорусский язык от русского, польского и украинского языков, определить территорию белорусских говоров, а также собрать целый ряд важных этнографических материалов.

В XIX в. многие российские филологи и этнографы обратились к исследованию особенностей белорусских диалектов. В их числе И.И. Григорович, К.Ф. Калайдович, М.А. Максимович, А.И. Соболевский, А.А. Шахматов, П.М. Шпилевский, Ф.С. Шимкевич, П.В. Шейн и проч. Однако эта их научная деятельность или ограничивалась собирательской работой, либо осуществлялась в контексте изучения других языков – в основном русского. Первым из представителей классической науки системно анализировать говоры жителей разных регионов Беларуси, а также языковые особенности белорусских письменных текстов начал именно Е.Ф. Карский. Результатом научных экспедиций по изучению Беларуси и путешествий стало издание Евфимием Фёдоровичем фундаментального трёхтомного труда «Белорусы», который и по сей день является единственным в своём роде крупнейшим фундаментальным авторским исследованием в сфере белорусистики.

Идея создания такого исследования оформилась у Е.Ф. Карского в самом начале века. В письме к профессору П.К. Симони от 2 января 1902 г. он писал: «Затеваю одну работу относительно белорусов: думаю прежде всего коснуться современной белорусской территории и населения (этнографическая карта Белоруссии); далее древнейшего населения Белоруссии и древнейших влияний на язык; затем будет вся библиография по изучению белорусского наречия современного и старого; наконец, перечисление

всех произведений на западнорусском наречии с древнейших времён до наших дней. Статья о белорусских говорах. Всё это послужит лишь введением к истории белорусского наречия» [Карская 1982: 112].

Фактически все свои первоначальные задумки Е.Ф. Карский смог осуществить. В уникальном издании он подробно осветил проблемы этногенеза и географического распространения белорусов, охарактеризовал язык племён и народностей, проживавших на территории Беларуси, сравнил особенности белорусского языка с чертами русского и украинского языков, описал звуковой и грамматический строй, а также лексический состав белорусского языка в его развитии, отметил факторы взаимодействия белорусского языка с литовским, латышским, польским, русским, украинским и другими языками, очертил состав современных ему белорусских говоров. Образцовое исполнение Е.Ф. Карским поставленной задачи позволило академику Б.М. Ляпунову охарактеризовать второй том «Белорусов» как труд беспримерный по тщательности обработки огромного языкового материала и оценить монографию в целом как научную работу, равную которой по солидности в области изучения других славянских языков и народов найти невозможно [Ляпунов 1932].

Фундаментальный труд Е.Ф. Карского «Белорусы» состоит из трёх томов:

I. «Введение в изучение языка и народной словесности с приложением двух карт» (Варшава, 1903; Вильно, 1904).

II. «Язык белорусского племени», состоящий из трёх самостоятельных изданных книг:

1. «Исторический очерк звуков белорусского наречия» (Варшава, 1908).
2. «Исторический очерк словообразования и словоизменения в белорусском наречии» (Варшава, 1911).
3. «Очерки синтаксиса белорусского наречия. Дополнения и поправки» (Варшава, 1912).

III. «Очерки словесности белорусского племени», также включающий три части:

1. «Народная поэзия» (Москва, 1916).
2. «Старая западнорусская письменность» (Петроград, 1921).
3. «Художественная литература на народном языке» (Петроград, 1922).

Таким образом, в целом Е.Ф. Карский написал семь книг общим объёмом в 3105 печатных страниц.

Первый том «Белорусов» (466 с.) был опубликован в типографии Варшавского учебного округа с подзаголовком «Введение в изучение языка и народной словесности с приложением двух карт». Книга оказалась востребованной: в следующем году она без внесения каких-либо изменений и дополнений была перепечатана под эгидой Виленского генерал-губернаторского управления «Виленский временник».

В этом объёмном томе Е.Ф. Карский подробно исследовал разнообразные проблемы происхождения и территориального расселения белорусов, охарактеризовал язык племён и народностей, предшествовавших формированию белорусского народа, определил ранние белорусские языковые черты, описал словарный состав, звуковой и грамматический строй старобелорусского языка в период Великого княжества Литовского и Речи Посполитой. В хронологическом порядке были рассмотрены все известные на то время работы по истории и этнографии Беларуси, белорусской лингвистике, фольклорные сборники и другие публикации этнографических материалов. Приведены даже самые незначительные высказывания учёных о белорусском языке, а также дан список важнейших памятников отечественной письменности и их изданий.

В своих исследованиях Е.Ф. Карский не стремился к формулированию гипотез общетеоретического характера, предпочитая систематизацию и описание языковых явлений и фактов. Но проблемы происхождения белорусского народа и его языка занима-

ли Евфимия Фёдоровича в высшей степени, и решать их учёный начал ещё в ранних своих работах. В частности, он посвятил этим вопросам несколько разделов в первом томе «Белорусов», а потом неоднократно обращался к ним в последующие годы.

На основании этимологического анализа местных названий водных объектов бассейнов рек (Западной Двины, Днепра, Припяти, Немана, Березины, Сожа, Десны, Верхней Волги и др.), исследования белорусской диалектной речи во всем разнообразии её говоров и других фактов Е.Ф. Карский сделал вывод, что в древности на значительной части территории современной Беларуси расселились балты – литовцы и латыши, которые жили преимущественно по Западной Двине и Неману, на юге доходили до левых притоков Припяти, а на востоке – до Оки. Затем на эти земли пришли славяне: «Главная масса славян, составивших белорусское племя, двинулась с юга (с Припяти и её притоков) и запада (быть может, с Западного Буга и Нарева) сначала к Неману, а отсюда до Западной Двины на север и до Десны и Оки на восток» [Карский 1903: 63]. В образовании белорусского этноса участвовали славянские племена дреговичей, радимичей и кривичей: «Очень может быть, что в некоторых местах белорусы ассимилировали себе северян, вятичей и даже некоторые литовские племена, например, ятвягов и голядь» [Карский 1903: 80].

По мнению Е.Ф. Карского, предки белорусов вместе с другими восточнославянскими племенами составляли восточнославянскую народность и характеризовались общностью языка. Выделение белорусов как самостоятельного этноса началось с усилением феодальной раздробленности восточнославянских земель, в результате чего Киевская Русь распалась на отдельные княжества. Белорусские земли вошли в состав Великого княжества Литовского, что имело исключительное значение для формирования белорусской народности. В отличие от других тогдашних исследователей Е.Ф. Карский попытался найти нетенденциозные ответы на два основных

вопроса: каким был язык славянских племён, населявших территорию Беларуси в древности, и какие особенности отличают старобелорусский язык от русского и украинского.

В результате обстоятельного освещения проблемы происхождения и географического распространения белорусов, изучения словарного состава, звукового и грамматического строя языка белорусской народности в период Великого княжества Литовского и Речи Посполитой Е.Ф. Карский пришёл к заключению, что основные черты белорусского языка сложились в XIII в. Наиболее выразительными, т.е. ярко отличающими его от других восточнославянских языков, были звуковые черты, в то время как лексические, морфологические и синтаксические особенности во многом являлись универсальными для этих близкородственных языков.

На протяжении XIV – XVI вв. сформировались основные особенности старобелорусского языка (параллельно с русским и украинским языками), который поглотил иные говоры славян, поселившихся по Западной Двине, верхнему течению Днепра и его притокам Соже и Припяти, а также по Неману. Евфимий Федорович писал: [В середине 14 века] «произошло объединение всех западнорусских племён и выработка одного общего для них языка. С этого времени кладётся прочное начало той русской народности, которая известна до сих пор под именем *белорусской*. Сам язык её, уже вполне сложившийся к этому времени в главных особенностях, может быть назван белорусским... Таким образом, начало литовского господства в западнорусских областях может быть охарактеризовано как период образования белорусской народности и её языка. После мы увидим, что со временем белорусское влияние в Литве сильно парализовалось польским, однако же побеждающая сила всё-таки осталась за языком белорусским» [Карский 1903: 113 – 114].

С позиции сегодняшнего дня многие выводы Евфимия Карского кажутся вполне хрестоматийными и даже банальными. Однако в то время, когда царским правительством активно внедрялась теория «западнорусизма», доказывающая претензии Российской Империи на белорусские земли и отказывающая белорусам в праве иметь свою историю, культуру и язык, исследования Е.Ф. Карского были почти революционными. Основанием для определения границ этнической белорусской территории Е.Ф. Карский считал исключительно язык, «свидетельства которого, вообще говоря, надёжнее археологических» [Карский 1903: 32].

При изучении белорусского языка Е.Ф. Карский неизменно руководствовался сравнительно-историческим методом, который позволил выявить и проанализировать изменения, произошедшие в структуре белорусского языка, и определить основные тенденции в развитии языка. Исследование памятников старобелорусской письменности, а также диалектной речи позволило досконально проследить пути формирования системы языка белорусской части. Обращает на себя внимание, насколько смело Е.Ф. Карский определял границы белорусской территории на северо-востоке: «Белорусская речь в той или иной степени раздаётся в губерниях: Витебской (большая часть), Курляндской (незначительная часть), Ковенской (незначительная часть), Виленской (большая часть), Гродненской (половина), Сувалкской (один уезд), Минской (большая часть), Могилёвской (вся губерния), Черниговской (значительная часть на севере), Орловской (западный угол), Калужской (незначительная часть), Смоленской (большая часть), Тверской (незначительная часть), Псковской (незначительная часть)... Принимая условно, что все говорящие на белорусском наречии белорусы, мы будем считать указанные границы в то же время пределами белорусского племени» [Карский 1903: 19 – 21].

После публикации первого тома Евфимий Фёдорович продолжил изучение истории и современного состояния белорусских говоров. Результатом стало издание трёх выпусков второго тома «Белорусов», в котором он предложил законченное учение о звуковом и грамматическом строе старобелорусского языка и нового белорусского языка в его диалектной и литературной формах.

Первый выпуск второго тома «Белорусов» под названием «Исторический очерк звуков белорусского наречия» (579 с.) был опубликован в Варшаве в 1908 г. Материал для него был частично заимствован из предыдущих исследований автора, а частично заново отобран из старобелорусских письменных памятников и белорусских народных говоров. Особенно много ценных данных Е.Ф. Карский почерпнул из полученных им 32 ответов на программы, разосланные Императорской академией наук, и новых сборников народного творчества. В книге подробно проанализированы фонетические процессы в языке от праславянской и общевосточнославянской эпохи до начала XX в. Все звуковые изменения, происходившие в старобелорусском языке, проиллюстрированы фактами из письменных памятников и подтверждены материалами современных народных говоров, фольклорных и авторских произведений. Проведён критический разбор взглядов языковедов на поднятые проблемы. Этот лингвистический очерк является обобщением всех научных сведений о белорусской фонетической системе [Булахов 1981: 218].

Значительным достижением Е.Ф. Карского явилось то, что он одним из первых обратил внимание на проблемы белорусской акцентуации, которые и до нашего времени остаются наименее изученными в отечественной лингвистике. В этом же выпуске содержится палеографический очерк, посвящённый особенностям письма старобелорусских памятников.

Второй выпуск второго тома «Белорусов» – «Исторический очерк словообразования и словоизменения в белорусском наречии» (Варшава, 1911; 408 с.) – посвящён историческому изучению системы белорусского словообразования. Е.Ф. Карский впервые исследовал и описал разнообразные словообразовательные типы и проанализировал особенности словообразования, присущие индоевропейскому языку. Учёный определил, что основные способы именного и глагольного словообразования старобелорусский язык унаследовал из праславянского и общевосточнославянского языков. Евфимий Фёдорович пришёл к выводу, что в процессе самостоятельного развития белорусский язык выработал оригинальные черты в словообразовании. Учёный подробно рассмотрел важнейшие изменения в склонении существительных, прилагательных, числительных и местоимений, а также в спряжении глаголов и образовании глагольных форм. В результате Е.Ф. Карский обнаружил, что морфологический строй белорусского языка отличается от морфологии современного русского и древнерусского языков целым рядом специфических особенностей. Эта глава является первым полным описанием изменяемых частей речи в их историческом развитии от древности до начала XX в.

Огромна заслуга Е.Ф. Карского в создании синтаксического учения о белорусском языке. В третьем выпуске второго тома «Очерки синтаксиса белорусского наречия. Дополнения и поправки» (Варшава, 1912; 347 с.) он попытался отыскать решение многих спорных теоретических проблем синтаксиса: задачи синтаксиса, определение понятий *речь*, *предложение*, *члены предложения*, соотношение грамматических и логических категорий и др. Впервые в восточнославянском языкознании Е.Ф. Карский на богатом материале древних письменных памятников, данных диалектной и литературной речи осуществил подробное историческое описание всех типов простых (одночленных, двучленных и многочленных) и сложных (сложносочинённых и сложноподчинённых) предложений. Их классификация была выполнена с учётом разноаспектных параметров: семантической и грамматической модальности, цели высказывания и структуры синтаксических конструкций, способов грамматической связи и отношений между компонентами предложения, выражаемых союзами и соединительными словами, наличия главной и придаточных частей в сложном предложении и т.п.

В трёх книгах второго тома «Белорусов» академик создал завершённое учение о звуковом и грамматическом строе старобелорусского языка и современного белорус-

ского языка в его диалектной и литературной формах. Евфимием Фёдоровичем был собран и проанализирован колоссальный по объёму и исключительному разнообразию фактический материал, что обеспечило надёжность выводов и теоретических обобщений. Как отмечал Михаил Булахов, это был настоящий научный подвиг, который увековечил имя Е.Ф. Карского и поставил его в один ряд с иными выдающимися учёными-славистами. В начале XX в. ни один славянский язык, за исключением разве что чешского, не получил такого всестороннего описания, которое было осуществлено в отношении белорусского языка Е.Ф. Карским. Благодаря его фундаментальным исследованиям в славистике сформировалось научное представление о и национальной специфике белорусского языка, а его система стала объектом детального изучения наравне со строением других славянских языков.

Первый и второй тома «Белорусов» получили исключительно высокую оценку Российской Академии наук и Евфимий Карский был удостоен полной премии Батюшкова (1910 г.) и премии Ахматова (1913 г.). Академики А.А. Шахматов, В.Н. Перетц, А.И. Соболевский, Н.А. Котляревский писали: «Замечательный труд Е.Ф. Карского подвёл итог не только многолетним трудам самого автора, но вообще всему научному исследованию белорусской речи» [Борковский 1945: 27].

Третий том «Белорусов» («Очерки словесности белорусского племени»), состоящий также из трёх выпусков, был посвящён изучению устного творчества белорусского народа и белорусской литературы – старой (XIV – XVIII вв.) и новой (XIX – начала XX в.).

В первом выпуске «Народная поэзия» (Москва, 1916; 557 с.) Е.Ф. Карский на конкретных примерах из фольклорных сборников В.Н. Добровольского, Е.Р. Романова и П.В. Шейна проанализировал генезис и содержательные особенности белорусских заговоров, относящихся к разным обрядовым группам и сторонам жизни народа: похоронному и брачному обрядам, заговорам от болезней и на здоровье, бытовым обрядам и обрядам, связанным с различными сторонами общественных отношений. Именно заговоры Евфимий Карский совершенно обоснованно считал наиболее древним жанром белорусского фольклора. Объёмная глава посвящена изучению белорусских обрядов и обрядовых песен (колядных, масленичных, весенних, русальных, купальских, петровских и проч.). Учёный систематизировал обряды и песни, сопровождающие самые важные моменты жизни человека: рождение, крещение, свадьбу и похороны, а также внеобрядовые бытовые песни. Евфимий Карский убедительно показал, что архаичные представления белорусов не были статичными, как это утверждали представители мифологической школы, а развивались и эволюционировали. Впервые в восточнославянской филологии им были глубоко и системно изучены пословицы, поговорки, загадки, сказки и духовные стихи белорусского народа.

Второй выпуск третьего тома, названный «Старая западнорусская письменность» (Петроград, 1921; 246 с.), посвящён общим вопросам развития старобелорусского литературного языка и анализу памятников древней белорусской литературы – переводной и оригинальной, начиная с церковных произведений. По сути, эта работа стала первым академическим изданием истории белорусской литературы, в котором Е.Ф. Карский подробно исследовал и описал процесс формирования литературной традиции на старобелорусском языке, изучил переводные тексты книг Священного Писания с еврейского, чешского и польского языков на старобелорусский, охарактеризовал переведённые на старобелорусский язык жития святых, апокрифы, сборники поучений, духовные и светские повести, а также разнообразные хронографы. Особое внимание академик уделил изучению оригинальных текстов, созданных на территории Великого княжества Литовского. Среди них – летописи, записи современников и другие исторические материалы, памятники юридического характера, художественная литература, произведения религиозно-богословского характера, полемическая литература. Самостоятельные раз-

дела в книге посвящены белорусским текстам, написанным латиницей и арабской вязью. На данный момент трудно назвать хотя бы один значительный памятник древней белорусской письменности, в свое время не известный Е.Ф. Карскому и не использованный им в исследованиях.

В третьем выпуске третьего тома «Белорусов» под названием «Художественная литература на народном языке» (Петроград, 1922; 454 с.) учёный охарактеризовал содержательные особенности и язык различных белорусских изданий XIX – начала XX в., а также художественное творчество белорусских писателей этого периода – Яна Чечота, Викентия Дунина-Марцинкевича, Франциска Богусевича, Янки Лучины, Янки Купалы, Якуба Коласа, Змитрока Бедули, Максима Богдановича, Франтишка Олехновича, Максима Горещкого и др. В этом же выпуске содержится раздел «Материалы для словаря остальных белорусских писателей последнего времени», в котором Е.Ф. Карский предоставил краткую информацию о колоссальном – более 200 – количестве белорусских авторов начала XX в.

К сожалению, после тщательного знакомства с изданием можно убедиться, что в заключительном выпуске «Белорусов» почти отсутствуют основательные типологические наблюдения и глубокий теоретический анализ. По научным качествам последняя книга монографии явно проигрывает по сравнению с «дореволюционными» томами, преимущественно лингвистическими по содержанию, однако безусловная заслуга Е.Ф. Карского в том, что он зафиксировал большой объём сведений о белорусских писателях и созданных ими художественных произведениях. Как справедливо отмечают И.Н. Запрудский, И.В. Казакова и В.Г. Короткий, основными мотивами подготовки и издания заключительных выпусков «Белорусов» могло стать желание Е.Ф. Карского описать имеющийся белорусскоязычный историко-литературный материал, создав своеобразную энциклопедию белорусской издательской словесности, а также стремление сохранить и подтвердить позиции признанного лидера в белорусской филологии [Запрудский 2007: 19].

В период активной научной деятельности Евфимия Фёдоровича новый белорусский литературный язык находился в стадии становления, поэтому нет ничего удивительного в том, что академик несколько тенденциозно оценивал перспективы его развития в условиях дореволюционной действительности. Он сомневался в возможности успешного существования белорусского литературного языка рядом с гораздо более развитым русским литературным языком и допускал его использование только в школьном обучении.

Ещё в первом томе «Белорусов» учёный обратил внимание на необходимость подготовки и издания словаря белорусского языка. Как известно, в то время наиболее объёмным собранием белорусской лексики был «Словарь белорусского наречия» (включал свыше 30 тыс. слов), изданный в 1870 г. И.И. Носовичем. В предисловии к первому тому Е.Ф. Карский отмечал, что одна из его задач – дать указатель материалов для исключительно необходимых словарей белорусского языка, поскольку «имеющийся белорусский словарь Носовича очень неудовлетворителен во всех отношениях <...>, между тем потребность в научном словаре живого белорусского наречия и в особом словаре старого западнорусского языка очевидна...» [Карский 1903: 5].

Основными недостатками словаря Ивана Носовича Евфимий Фёдорович считал его неполноту («недостаёт очень многих белорусских слов <...>, не перечислены слова, общие белорусскому наречию с великорусским и малорусским») и перенасыщенность малоупотребительными словами («в словаре много лишних слов, совершенно неизвестных белорусскому народу»), а также отмечал ряд технических недостатков («редакция словаря могла бы быть значительно лучше») и региональный характер помещённого лексического материала («не охватывает всей белорусской области») и др.

[Карский 1903: 251 – 253; Карский 1921: 1]. Поэтому вполне закономерными представляются планы Е.Ф. Карского завершить своё фундаментальное исследование структуры белорусского языка большим собранием его лексики в двух частях: академик предполагал составить словарь живого (диалектного) белорусского языка и словарь старобелорусского языка.

К сожалению, здоровье, возраст и неблагоприятные условия для работы в советской стране не способствовали осуществлению этого замысла, но Евфимий Фёдорович оставил достаточно подробную программу лексикографической работы, опубликованную в статье «Что предстоит сделать по белорусскому языку и литературе?» [Карский 1921: 4]. Академик считал необходимым сделать выборку белорусской лексики из фольклорных и этнографических сборников Яна Чечота, Петра Бессонова, Владимира Добровольского, Александра Дембовецкого, а также из произведений белорусских давних и современных писателей. Полученный в результате словник должен быть дополнен языковыми единицами со «Словаря белорусского наречия» И.И. Носовича (М., 1870) и «Смоленского областного словаря» В.Н. Добровольского (Смоленск, 1914), а также из разнообразных лексических подборок, хранящихся в научных и образовательных учреждениях. «Однако и такой словарь <...> был бы далёк от полноты: в нём не было бы (или было бы очень мало) народных названий для растений – ботанических, названий животных, птиц, рыб, насекомых, пресмыкающихся, минералогических и некоторых химических названий, специальных технических терминов. Их необходимо записать непосредственно из уст народа», – предполагал Е.Ф. Карский [Карский 1921: 2 – 3].

Несколько позже эти разработки учёного в области теории и практики лексикографии были использованы словарной комиссией Института белорусской культуры при подготовке проектов по систематизации белорусской лексики.

Лингвистическая и этнографическая деятельность Евфимия Карского была тесно связана с проблемой определения границ белорусской этнической территории, решением вопросов этногенеза белорусов в связи с формированием белорусского языка и изучением белорусского поэтического творчества.

В своём отчёте о путешествии в Беларусь летом 1905 г. Е.Ф. Карский писал: «Вследствие предложения г. Председательствующего в Отделении этнографии Императорского русского географического общества, сделанного мне в начале января 1903 г., мною предпринята была поездка в северо-западный край на средства в 500 рублей, ассигнованные на этот предмет бывшим в то время г. Виленским, Гродненским и Ковенским генерал-губернатором генерал-лейтенантом князем Святополк-Мирским» [Карский 1905: 32]. Карский планировал установить этнографические границы белорусского народа и белорусского языка с соседними русским, украинским, польским, литовским, латышским народами и их языками. Интересовали Евфимия Фёдоровича также особенности народного быта и материалы по белорусскому фольклору.

Результатом многочисленных диалектологических экспедиций Е.Ф. Карского стали 2 карты, помещённые им в первом томе «Белорусов»: «Этнографическая карта белорусского племени» и «Этнографическая карта белорусского племени. Белорусские говоры». С точки зрения филологии особенную научную ценность представляет вторая карта, на которой показаны территориальное распространение разнообразных фонетических явлений белорусского языка и классификация белорусских диалектов.

Современная группировка белорусских говоров, как известно, является результатом длительного исторического развития восточнославянской диалектологии. Первые попытки провести классификацию белорусских говоров были сделаны в публикациях П. Шафарика, Я. Чечота, И.И. Носовича, А.И. Соболевского, А.А. Шахматова и др. В их работах чётко засвидетельствована необходимость целенаправленного и широкомасштабного изучения местных говоров, что позволило бы более точно и научно обос-

нованно осуществить их разделение на отдельные территориально-языковые единицы. В 1896 г. по поручению Отделения русского языка и словесности Российской Академии наук Е.Ф. Карский составил «Программу для собирания особенностей белорусского наречия» [Программа 1896: 50]. Согласно рекомендациям Е.Ф. Карского, в первую очередь необходимо было записывать те слова, которые отсутствовали в словаре И.И. Носовича. Несколько десятков ответов на программу, присланных корреспондентами, позже были напечатаны в изданиях Академии наук и других публикациях и дали значительное количество важного фактического материала для изучения белорусского языка и его говоров.

Пограничная черта между русскими и белорусскими говорами прошла по Псковской, Тверской, Смоленской, Калужской, Орловской и Черниговской губерниям России. В каждой из губерний Е.Ф. Карский определил линию раздела белорусских и русских говоров, но признался, что «точно установить границу белорусской области на севере довольно затруднительно, так как здесь преобладают смешанные говоры, переходящие на севере незаметно в великорусскую речь» [Карский 1905: 12].

В результате систематизации объёмного фактического материала в «Белорусах» Евфимий Карский пришел к выводу, что существующие белорусские говоры различаются между собой целым рядом языковых черт, среди которых:

- наличие или отсутствие мягкого звука [р’],
- наличие или отсутствие дзеканья и цеканья,
- наличие или отсутствие изменений звуков [ц] и [ч],
- наличие или отсутствие протетических согласных перед [о] и частично [у] в начале слова,
- наличие или отсутствие сложных гласных звуков (дифтонгов).

При классификации учитывался также тип аканья, употребление частицы *-ся* или *-са* в возвратных глаголах, наличие или отсутствие *-ць* в глаголах третьего лица единственного числа первого спряжения: *ідзець, нясець* или *ідзе, нясе* (правда, в основу разработанной типологии белорусских наречий Е.Ф. Карский положил только один из выдвинутых им критериев – наличие или отсутствие мягкого [р’]) [Карский 1908]. Всё это предоставило ему научные основания для определения белорусских языковых особенностей выйти за пределы основной территории Беларуси и провести границу между юго-западным и северо-восточным массивами говоров по линии: на севере от Себежа Великолукской области России на юго-восток между Городком и Витебском до Орши, около Горок, Чаусов, Славгорода и до границы Беларуси с Брянской областью России и Черниговской области Украины. С таким разделением белорусского диалектного языка на восточный и западный диалекты сегодня согласно большинство исследователей.

В самом начале XX в. декан историко-филологического факультета профессор Евфимий Карский стал первым избранным ректором Варшавского университета, причём эту должность Е.Ф. Карский занимал дважды – в 1905-м и 1908 – 1910-м гг.

Начало нового века было достаточно сложным временем в жизни Варшавского университета в связи с общественными волнениями в Польше. Недаром в своём поздравительном послании по случаю избрания Е.Ф. Карского ректором академик А.И. Соболевский писал: «Поздравляю, хотя и не очень горячо. Дела таковы, что честь чересчур тяжка, чтобы ей радоваться» [Протоколы 1916: 32]. Студенческие протесты в январе 1905 г. стали массовыми и привели к тому, что около 600 студентов (четверть от общего количества) отказались продолжать занятия и начали бунт. Они требовали придать польское обличье высшим учебным заведениям, ввести в преподавание польский язык, признать их право на создание студенческих объединений, а также вернуть статус автономии Царству Польскому. Евфимий Карский, который на посту ректора, несомненно, был проводником царской шовинистической политики, в этой ситуации занял

достаточно либеральную позицию. Так, он не пожелал войти в состав комиссии для подготовки суда над студентами, участвовавшими в протестах, выступал против открытия закрытого после студенческих волнений университета, поскольку это потребовало бы репрессивных действий в отношении всех недовольных пророссийским характером учреждения, высказывался за введение в учебный процесс польского языка как одного из языков преподавания. Кроме того, Е.Ф. Карский своим приказом на основании соответствующих параграфов Устава университета в июне 1909 г. вернул в число студентов несколько десятков человек, переведённых в вольные слушатели по результатам дисциплинарного суда за участие в волнениях.

В целом это время было периодом испытаний для российской интеллигенции. Специальными циркулярами «О надзоре за учащимися высших учебных заведений», «О временном запрете публичных и частных студенческих заведений» и др. фактически уничтожалась академическая автономия. Традиционные выборы на вакантные должности не проводились – профессора и доценты назначались по приказу «сверху». Саратовскому и Томскому университетам отказали в расширении, было отклонено ходатайство об открытии высших учебных заведений в Минске и Вильнюсе. Порядочным руководителям в таких условиях заниматься администрированием было не просто. В результате ректор Варшавского университета Евфимий Карский 6 сентября 1910 г. одним из первых отказался от своего поста в знак протеста против произвола тогдашнего министра народного просвещения Льва Кассо. Ещё через некоторое время заявления на увольнение написали и многие другие российские профессора-либералы. С.Н. Булгаков, В.И. Вернадский, П.Н. Лебедев, А.А. Мануйлов, Н.К. Коллонтай, М.А. Мензбир, В.П. Сербский, К.А. Тимирязев и еще около 130 профессоров и доцентов Московского государственного университета.

Нельзя не отметить тот факт, что именно интерес бывшего ректора Е.Ф. Карского к исследованиям в области белорусоведения мог повлиять на позднейшее решение о переезде в Минск таких бывших «варшавян», как И.И. Замотин, А.М. Евлахов, А.Н. Вознесенский, М. Вейнгер и др., которые в 1920-е гг. по существу заложили фундамент филологической науки в Белорусском государственном университете [Дзятко, Чарнякевич 2011].

В биографическом очерке, посвящённом Е.Ф. Карскому, академик Виктор Борковский подчёркивает, что выпускники Варшавского университета с неизменной теплотой вспоминали деятельность Евфимия Фёдоровича в качестве ректора. Он пользовался огромным уважением со стороны профессорского корпуса и студентов, поскольку помимо качеств талантливого учёного и умелого администратора, отличался человеческой простотой, скромностью и чуткостью. Студент, нуждавшийся в моральной или материальной поддержке, всегда мог получить её у Евфимия Фёдоровича. Преподавателям и студентам импонировала та независимость, с которой держался ректор Е.Ф. Карский по отношению к попечителю Варшавского учебного округа и Министерству народного просвещения. Высокое положение вовсе не увлекало Евфимия Фёдоровича, поэтому, почувствовав, что ректорство мешает его научной деятельности и требует компромиссов с совестью, он без рассуждений подал в отставку [Борковский 1945: 32].

Во время Первой мировой войны, в 1915 г., Евфимий Карский выехал в эвакуацию в Петроград, позже в Москву, а через несколько месяцев переехал в Ростов-на-Дону, куда был переведён университет, где он читал лекции в течение 1915 – 1916 гг., а после избрания его академиком вновь переехал в Петроград. Там на пересечении Университетской набережной с набережной Лейтенанта Шмидта напротив Благовещенского моста находится так называемый «Дом академиков». Этому зданию более 250-ти лет, в разное время в нём жили такие известные личности, как математики Пафнутий Чебышев, Владимир Стеклов, Михаил Остроградский, филологи Михаил Алексеев,

Сергей Ольденбург, Яков Грот, Николай Марр, физик Борис Якоби, биолог Владимир Палладин, геолог Александр Карпинский, геохимик Александр Ферсман и др. Именно в этом доме № 2 (кв. 10) на Седьмой линии Васильевского острова и поселился Евфимий Фёдорович. Кстати, соседнюю, одиннадцатую, квартиру с 1918 по 1936 гг. занимал первый российский лауреат Нобелевской премии известный академик, медик и физиолог Иван Павлов. Первоначально советские власти и руководство компартии, вынужденные считаться с Академией наук, пытались заручиться доверием академиков. С этой целью учёных поддерживали паёками в период голода и разрухи, обеспечивали жильём, предоставляли возможность отдыха в санаториях, «чтобы использовать их высокий авторитет при создании определённого рывка новой власти в глазах европейского общественного мнения» [Досталь, 1995: 78].

В Петрограде одним из важнейших организационных дел для Е.Ф. Карского стала поддержка молодого филолога Бронислава Тарашкевича, проходившего

подготовку к профессорскому званию по кафедре русского языка и работавшего над белорусской грамматикой.

В декабре 1917 г. Е.Ф. Карский принимал участие в I Всебелорусском съезде, который проходил в здании Минского городского театра по инициативе Большого белорусского совета и Белорусского областного комитета. Делегатами съезда были представители белорусских земств, уездных, волостных и деревенских «самаўрадаў», профессиональных и кооперативных союзов, военных комитетов и т.д. Председателем избрали белорусского общественно-политического деятеля Семёна Рак-Михайловского, а почётным председателем стал Евфимий Карский. В своём выступлении он обратил внимание белорусской общественности на необходимость немедленного создания белорусского национального университета, однако приоритетное внимание в работе съезда уделялось не культурным, а политическим и экономическим вопросам.

Сформулированная съездом концепция демократического пути развития белорусской государственности категорически противоречила планам большевиков Западного фронта, стремившихся установить монополию на власть в Беларуси, поэтому в ночь с 17 на 18 декабря 1917 г. по приказу Совета народных комиссаров Западной области и фронта съезд был распущен, а президиум арестован командованием Первого минского пехотного полка. Е.Ф. Карскому удалось избежать ареста и в скором времени уехать в Петроград, но в бывшей столице начался голод и академик снова вернулся в Беларусь.

В Минске Евфимию Фёдоровичу пришлось пережить сложные времена: почти годовая польская оккупация плохо сказалась на состоянии провинциального города. Однако даже в условиях разрухи Е.Ф. Карский сохранил достоинство и отказался от пен-

сии, назначенной ему оккупационными властями. Он жил на гонорары за статьи, посвящённые истории белорусской литературы и культуры, которые публиковались в газетах «Беларусь», «Звон» и ряде других изданий.

После освобождения Минска Е.Ф. Карский преподавал в педагогическом институте, в который были преобразованы учительские курсы Минского района, возглавлял комиссию по открытию Белорусского государственного университета, в составе которой также работали Александр Червяков, Всеволод Игнатовский, Семен Каминский, Мария Фрумкина и др. Буквально за два месяца комиссия организовала подготовительные курсы для тех, кто хотел поступить в университет. Наряду с другими преподавателями, занятия на курсах вёл и профессор Е.Ф. Карский.

В начале 1922 г. вместе с Иваном Луцевичем (Янкой Купалой), Константином Мицкевичем (Якубом Коласом) и др. известными в Беларуси общественными деятелями академик Е.Ф. Карский стал действительным членом созданного в Минске Института белорусской культуры. Однако во времена, когда, по словам литератора Адама Бабарэко, «марксистские искорки разгорались на тропинках молодой белорусской трудовой науки» [Б-ка 1923: 127], академические взгляды Е.Ф. Карского оказались неудобными для новой власти,

хотя во многих идеях и оценках Евфимий Фёдорович был смелее представителей «учёных новой генерации». Вскоре после образования БССР коллегия Комиссариата образования своим решением сняла Е.Ф. Карского с должности профессора Минского педагогического института как человека с честью получившей «политической физиономией», а через некоторое время (не позднее 5 мая 1919) учёный был арестован. По требованию В.М. Игнатовского Совет института постановил избрать комиссию в составе В.М. Игнатовского, В.Л. Ивашко и В.К. Дыдырко «для выражения сочувствия» академику Е.Ф. Карскому и ходатайствовать перед Народным комиссариатом образования об отмене вышесказанного постановления, так как в Институте не было адекватной замены академику.

В середине апреля 1919 г. на заседании Коллегии отдела народного образования Минского губернского военно-революционного комитета был заслушан вопрос «Об участии проф. Карского в работе университетской комиссии Минского университета» в связи с полученной телеграммой от заместителя народного комиссара просвещения Бержитко, в которой требовалось вывести Е.Ф. Карского из состава комиссии. Постановление Коллегии было выдержано в стилистике того времени, в нём отмечалось: «Привлекая проф. Карского для работы в университетской комиссии, губернский отдел народного образования ясно представляет себе политическую физиономию проф. Карского, однако, считаясь с его большим практическим опытом, отдел счёл нужным привлечь его в Комиссию в качестве технического работника, причём отдел не берёт на себя обязательство предоставить ему ответственную работу в будущем университете и поэтому в данное время не считает возможным отказаться от его услуг и полагает, что телеграмма вызвана недоразумением» [Спадчына 2010]. На основании этого постановления отдел по народному образованию Минского губернского военно-революционного комитета в конце мая 1919 г. разрешил Е.Ф. Карскому принять зачёты, экзамены и закончить учебный год в Минском пединституте (см. фото). Совет института единогласно проголосовал за то, чтобы просить Е.Ф. Карского продолжить работу, но после

этого инцидента академик в июле 1920 г. навсегда покинул Беларусь и переехал в Петроград на постоянную работу в Академию наук СССР.

В послереволюционном Петрограде семья Карского, как и семьи многих других учёных, сталкивалась с большим количеством бытовых сложностей и жила впроголодь, однако Евфимий Фёдорович продолжал работать во имя отечественной науки. В письме своему другу и коллеге В.А. Францеву в Прагу 2-го апреля 1922 г. он писал: «Мой сердечный привет всем чешским знакомым. Пусть они поддерживают и развивают нашу науку, которая и здесь, несмотря на все затруднения и неблагоприятные условия, всё же не угасла: мои университетские коллеги с замечательным самоотвержением, несмотря

смотря на голод и нищенство, по-прежнему продолжают заниматься ею и передавать свои знания молодому поколению, чтобы со временем не ругали нас, стариков <...> Вашу посылку мы на днях получили и очень благодарны Вам и другим лицам, принявшим в ней участие. К Пасхе таким образом мы имеем белую муку в достаточном количестве, а остальные продукты уже едим и сейчас» [Досталь 1995: 78].

Карскому неоднократно предлагали вернуться в Беларусь, причём, многие верили, что академик действительно вернётся. Так, в отчёте за 1921 – 1922 гг. тогдашнего заместителя ректора БГУ профессора Соломона Каценбогина отмечается: «В настоящем году лингвистическая часть обеспечена преподавательскими силами в лице приглашённых проф. Панасюка и проф. Соколова. Для преподавания специальных предметов на секциях приглашены профессора: на кафедру русской литературы – Замотин, белорусской литературы и фольклора – академик Карский» [БГУ 1922: 29].

Измученный белорусской «доброжелательностью», Е.Ф. Карский интеллигентно отказался возвращаться в Минск и прислал письмо в Президиум Минского пединститута: «Кроме участия в комиссии по организации Минского университета я в настоящее время отвлечён ещё чисто академическими делами и поручениями. Вследствие этого не могу читать лекций в Минском институте в данное время. Поэтому прошу не выписывать мне жалованья и пайков по этому учреждению» [Спадчына 2010]. Мотивы отказа Е.Ф. Карского от преподавательской работы в Минске исчерпывающе были изложены им самим в письме к народному комиссару просвещения БССР: «От заместителя Главпрофобра из Минска я получил письмо от 18/8 24, в котором он приглашает меня переехать в Минск для чтения истории белорусского языка. Я вполне сочувствую желанию Наркомпроса [нрзб] поставить научное изучение родного языка. Но я лично в настоящее время не могу взяться за это дело. 1) Намеченную мною программу я уже выполнил в 7-ми книгах “Белорусов”. Далее следуют словари, что одному лицу научным образом выполнить нельзя (кстати, я слышал, что у Вас по этому предмету что-то делается) и история Белоруссии, но это не по моей специальности <...>. 2) В настоящее время

я занят подведением итогов по русскому языку вообще, для чего нужные материалы имеются только в Ленинграде. Результатом моих занятий уже явилась “Русская диалектология” (Ленгр. 1924), куда вошёл и белорусский язык. 3) И по своей восточной ориентации в белорусском вопросе я менее всего подхожу к большинству минских учёных белорусов, слишком решительно высказавшихся по поводу III т., 3 вып. моих “Белорусов” (ср. “Полымя”, 1923 г., № 2 и др. книги). Переменить свои взгляды, побывав текущим летом в восточной Польше и проверив те данные, которые сообщаются в книге: “K. Srokowski Sprawa narodowosciowa na kresach wschodnich (Krakow, 1924)”, я не могу. 4) Состоя действительным членом Российской Академии наук и Ленинградского университета, а также директором академического Музея антропологии и этнографии, я не имею возможности в настоящее время и частично наезжать в Минск для чтения лекций. 5) Я бы предложил такой выход: более способных лиц, хорошо знающих практически белорусский язык, получивших высшее филологическое образование, прикомандировать к исследовательскому институту Ленингр. у[ниверсите]та, где руководителем по русск.[ому] яз.[ыку] состою я. Здесь, а также на дому я бы охотно велся руководить ими, а если бы они были хорошо обеспечены, то в течение года, наибольшее двух они были бы приготовлены к профессорскому званию по истории белорусского языка в обширном смысле этого слова. С совершенным почтением, готовый к услугам акад. Е. Карский. 25/8-24 г.» [НАРБ: 1 – 2].

Одним из первых таким «приезжим» учеником Е.Ф. Карского стал известный белорусский учёный и общественный деятель, инициатор создания и первый председатель Института белорусской культуры, академик Академии наук Беларуси Степан Некрашевич, который в 1925 – 1926 гг. находился на повышении научной квалификации (под руководством Евфимия Фёдоровича) в Научно-исследовательском институте языка и литературы при Ленинградском университете.

В современной печати неоднократно приходилось встречать мнение, что Евфимий Фёдорович уехал из Беларуси потому, что ректором БГУ был назначен не он – учёный, который фактически стоял у истоков белорусской национальной гуманитаристики, – а историк В.И. Пичета. В обстоятельной работе Витовта Тумаша, посвящённой жизни и научной деятельности Е.Ф. Карского, читаем: «Неудача с ректорством сильно затронула амбиции Карского как одного из лучших тогдашних белорусоведов» [Тумаш 2002: 150]. Эта версия выглядит весьма сомнительной в свете личных качеств Е.Ф. Карского, прежде всего учёного – в самом высоком смысле этого слова, лишённого «должностных» амбиций и главную свою цель видевшего в научных исследованиях. Так, по словам дочери Натальи, на многочисленные предложения написать автобиографию академик всегда отвечал словами Ф.М. Достоевского: «Одно знаю точно: никогда уже более не еду писать мою автобиографию, даже если проживу до ста лет. Надо быть слишком подло влюблённым в себя, чтобы писать без стыда о самом себе». Более того, как настоящий интеллигент Евфимий Карский был выше личных обид, что подтверждается его письмами, в которых академик обращался к коллегам с просьбой об укомплектовании библиотеки БГУ книгами из своих собраний. Собственную уникальную библиотеку (более 4-х тысяч томов), которая пережила гражданскую войну и которую Е.Ф. Карский частично вывез из Варшавы, он в октябре 1921 г. также добровольно передал только что открытому Белорусскому государственному университету.

В первой половине 1920-х гг. в Беларуси развернулась массированная кампания против Е.Ф. Карского, инспирированная представителями «новой белорусской интеллигенции» явно с согласия республиканских властей. Так, в 1923 г. в журнале «Полымя» (№ 2) была напечатана большая острая рецензия Владислава Держинского (Чаржинского) по поводу выхода последнего выпуска третьего тома «Белорусов». Автор критиковал методологические основы исследования Е.Ф. Карского, обвинял его в «аб-

солютной неосведомлённости <...> в вопросах литературного искусства вообще и белорусской новейшей словесности в отдельности», а в конце делал радикально-провокационный вывод: «Что же сказать о 3-ем выпуске III-го тома в целом? Мы уже выше имели возможность отметить и положительные, и отрицательные качества этой работы. Здесь только добавим, что она, благодаря своей поверхностности, очень мало даст нового для тех, кто более-менее знаком с историей белорусской литературы и с историей белорусского национально-возрожденческого движения. Для тех же, кто мало или совсем не знаком с ними, эта работа акад. Е.Ф. Карского принесёт явный вред: отдельные моменты в истории белорусской литературы и в истории белорусского движения чаще всего получили в ней освещение тенденциозное, полностью обратное и противоречащее действительности, а в лучшем случае – получили освещение ненаучное и не по-академически дилетантское» [Дзяржынскі 1923: 132].

Подобные суждения (преимущественно в унижительной и провокационной форме) высказывались и некоторыми другими представителями белорусской интеллигенции 1920-х гг. – Адамом Бабареко, Осипом Дыло, Змитером Жилуновичем [Б-ка 1923: 125 – 127]. Так, во время выступления на вечере журнала «Польмия» в Доме работников просвещения в апреле 1923 г. З. Жилунович отмечал: «За эту работу, как последнюю, лучше бы он [Карский – авт.] и вообще не брался: она не возложит ему венца, венца белорусоведа. Это ушат грязи, который он выливает сам на себя» [Б-ка 1923: 125].

Очевидно, что созданные в Беларуси условия не позволяли Е.Ф. Карскому плодотворно заниматься наукой. В Петрограде он возглавил Музей антропологии и этнографии имени Петра Великого Академии наук и проработал на посту его директора 9 лет – до 2 октября 1930 г. Правда, и в России работать академику, который в душе не принял

новую власть, было непросто. Показателен такой факт. В декабре 1925 г. союзная Академия наук поставила перед Управлением делами Совета народных комиссаров СССР вопрос о командировании академика Е.Ф. Карского «в славянские земли» на три летних месяца 1926 г. в связи с необходимостью познакомиться со славянскими этнографическими музеями и установить с ними сотрудничество. Этот выезд удалось организовать с большими усилиями.

Исследователь побывал в Польше, Чехословакии, Югославии. По возвращении из командировки Е.Ф. Карский представил глубокий и подробный «Отчёт о научной командировке в славянские земли в 1926 году», который был напечатан общим количеством 50 экземпляров. Однако партийно-номенклатурная реакция на эту научную поездку была резко отрицательной. Результатом стали издевательские публикации И. Осьмова в минской «Звезде», М. Кольцова в московской «Правде» и одесских «Известиях»: «Присутствовать в Белграде на торжестве черносотенцев; именовать Львов русским городом; восхвалять режим Пилсудского за притеснение белорусов и ругать советское правительство Белоруссии за национальную политику – всё это вполне последовательно если не для советского научного работника, то для бывшего верноподданного ректора императорского варшавского университета». В этих публикациях Е.Ф. Карский назывался «черносотенцем», «шовинистом», «осколком царского режима» [Рублевская-Скалабан 2009].

Е.Ф. Карский направил письмо в «Правду», в котором последовательно опроверг все обвинения, стараясь придать своему ответу исключительно деловой тон. В окончательном тексте он опустил некоторые экспрессивные абзацы, вроде: «Названная выше газетная статья поражает читателя своим хлестким репортёрским тоном, передержкой фактов, крайней развязностью и особым неуважением к науке». Ответ Е.Ф. Карского звучит взвешенно, но с изрядной долей сарказма, например, относительно того, почему так легко были получены визы во «враждебные державы»: «Визы в Чехословакию и Югославию были выданы бесплатно, так как чехи и сербы ценят учёных не только своих, но и чужих». Относительно истраченных средств и пребывания в Праге: «Академией наук выдана субсидия в 1050 рублей, причём на руки дана только половина, а остальное было дано в чеке на один из Пражских банков». Особый интерес вызывает пункт, касающийся щекотливого вопроса – выпадов Е.Ф. Карского в отношении белорусизации: «... вероятно, М. Кольцову неизвестно, что я природный белорус, всю свою жизнь посвятивший изучению белорусской этнографии, языка и литературы; что вся теперешняя белорусская интеллигенция (о чём см. хотя бы у М. Гарэцкага «Гісторыя беларускай літаратуры», вып. 4, Менск, 1926 г., стр. 147) и все учёные белорусы, начиная от известного этнографа Е.Р. Романова, умершего от голода в Ставрополе Кавказском, обращаются ко мне за духовной поддержкой <...>. Чисто также, что белорусизация должна идти естественно, без принуждения и притеснения лиц, воспитанных на русской культуре». Несмотря на ходатайства влиятельных лиц, ответ Е.Ф. Карского напечатан не был [Рублевская-Скалабан 2009: 47 – 48].

Официозные статьи имели соответствующий резонанс, в результате 13 апреля 1927 г. на закрытом заседании Бюро ЦК КП (б) Б был обсуждён вопрос «Об академике Карском». Евфимий Фёдорович на заседании не присутствовал и не мог защищаться от необоснованных обвинений. В постановлении, принятом по итогам слушаний, предлагалось «поручить тов. Игнатовскому, А.Амоличу и Криницкому поставить вопрос по советской и партийной линиям об исключении Карского из состава членов Академии наук», а также просить ЦК ВКП (б) «поручить соответствующим органам организовать критику по отчёту академика Карского о поездке за границу» [Спадчына 2010].

Такое отношение к личности и научному наследию Е.Ф. Карского со стороны властей и академической номенклатуры сохранялось в течение нескольких десятилетий. Так, в 31-м томе «Большой Советской энциклопедии», изданном в 1937 г. под редакцией О.Ю. Шмидта, отмечалось, что «рассматривая в своих дореволюционных работах белорусский язык как одно из русских наречий, Карский упорно сохраняет эту шовинистическую установку и в работах после Октября 1917 («Русская диалектология», 1924), так что труды его могут быть использованы ныне только как собрание материалов» [БСЭ 1931: 623]. Даже в предисловии Института языкознания Академии наук БССР к переизданной в 1955 г. монографии «Белорусы» читаем: «Отдельные явления языка рассматриваются Карским лишь бегло, эпизодически, без выяснения изменений, которые протекали на протяжении всех периодов истории белорусского языка <...>. Не обладая марксистским методом в подходе к изучению общественных явлений, академик Карский не мог дать глубокого теоретического обобщения своих ценнейших наблюдений и исследований в области белорусского языка. Не все его выводы, сформулированные много лет назад, соответствуют современным достижениям советского языкознания <...>. В работах Е. Карского, в том числе и в послереволюционных, не нашли должного отражения работы классиков марксизма-ленинизма по национальному вопросу. Нигде им не затронут вопрос о формировании белорусской буржуазной и социалистической наций» [ИЯ 1955: 4 – 5].

Однако даже в сложных условиях советской действительности Е.Ф. Карский продолжал активно заниматься фундаментальной наукой. Причём его интересы выходили

далеко за пределы вопросов белорусской филологии. Академик много времени и усилий отдавал разработке актуальных проблем русской и общеславянской филологии. Так, например, в 1924 г. Е.Ф. Карский в Ленинграде выпустил книгу «Русская диалектология», значительное место в которой отводилось белорусскому языку. Автор привёл источники и пособия для знакомства с белорусским языком, указал границы белорусского народа и его языка, остановился на проблеме образования белорусской народности и белорусского языка, очертил основные признаки белорусских говоров [Карский 1924]. Также в Ленинграде через четыре года было напечатано его фундаментальное сочинение «Славянская кирилловская палеография» [Карский 1928], которое до сих пор остаётся наиболее систематизированным изложением вопросов, относящихся к истории возникновения и дальнейшего развития славянской письменности. Увидели свет и многие другие глубокие исследования учёного.

Евфимий Карский чрезвычайно внимательно относился к работам своих предшественников и современников. Собственные взгляды и оценку их деятельности он высказал в многочисленных отзывах, рецензиях, некрологах, посвящённых А.С. Будилевичу, Е.Ф. Будде, Я.К. Гроту, М.А. Колосову, А.А. Кочубинскому, А.И. Соболевскому, А.А. Смирнову, И.И. Срезневскому, А.А. Шахматову, И.В. Ягичу. Эти и другие материалы стали основой книги Е.Ф. Карского «Очерк научной разработки русского языка в пределах СССР» [Карский 1926], одной из первых задач которой он назвал составление диалектологического атласа живого языка по отдельным говорам с указанием территории бытования наиболее типичных черт.

Белорусские авторы много раз упрекали Е.Ф. Карского в русоцентризме, великодержавности, даже в шовинизме. Формальные основания для этого давало нежелание академика перестраивать свои научные взгляды после революции в соответствии с потребностями времени, а также использование им в своих работах терминов *белорусское племя* и *белорусское наречие* в отношении белорусского народа и его языка. Очевидно, что с позиций современного языкознания многие выводы Е.Ф. Карского, использованные им методы исследования и терминологический аппарат могут показаться неубедительными, предвзятыми, даже тенденциозными, но при всём этом важно понимать, что Евфимий Карский как личность, учёный и педагог формировался в последней трети XIX в. – в условиях царской российской школы и мещанского «квасного» патриотизма. Естественно, что на становление его сознания и научного мировоззрения повлияла официальная великодержавная идеология, однако сам круг проблем, поднятых Е.Ф. Карским, и способы их решения свидетельствовали о том, насколько прогрессивными для того времени были взгляды академика на процесс формирования белорусской нации и её языка.

Вопрос об употреблении тех или иных терминов в ситуации, когда белорусское языкознание находилось на стадии зарождения, на наш взгляд, вообще не очень существенен, вторичен. Вместе с тем, в славистике термин *племя* использовался не только для обозначения этнических групп эпохи родоплеменного общественного строя, но и для обозначения существования того или иного народа на разных стадиях его исторического формирования. Смысл наименований *русский язык*, *белорусское наречие*, *западнорусское наречие*, довольно широко используемых Е.Ф. Карским при описании системы белорусского языка, следует понимать только в контексте, в их взаимоотношениях с другими терминами.

Разумеется, Е.Ф. Карский был вынужден пользоваться упомянутыми «проблемными» наименованиями, поскольку именно эта терминология в условиях царской цензуры была признанной, официальной, и уклоняться от её использования не разрешалось. «Описки» же, которые иногда «по недосмотру» делал Евфимий Фёдорович, выражали его истинное отношение к проблеме. В частности, во II-ом томе «Белорусов»

Карский использует и иные номинации: *белорусский язык, современный белорусский язык, живой белорусский язык, живая белорусская речь, общеполорусский язык, старый белорусский язык.*

Несомненно, Евфимий Фёдорович не принадлежал к белорусской национальной филологической школе, он – представитель русских академических традиций в лингвистике, литературоведении и этнографии. Бывший выпускник приходского и духовного училищ, Е.Ф. Карский не был революционером ни в общественной жизни, ни в науке, однако именно благодаря его научному наследию после создания Белорусской народной республики (1918) и Белорусской советской социалистической республики (1919) национальная филология не оказалось беспомощной в новых социальных условиях. Каких бы взглядов на белорусский вопрос ни придерживался Е.Ф. Карский на том или ином этапе своей научной деятельности, он всегда оставался добросовестным и объективным исследователем. Работы академика Е.Ф. Карского в области белорусской диалектологии, истории белорусского языка, палеографии, литературоведения, фольклористики, белорусской этнографии и археологии, а в особенности его фундаментальное обобщающее исследование «Белорусы» – это убедительное научное подтверждение этноисторической самостоятельности белорусского народа и белорусского языка.

Все работы, написанные Е.Ф. Карским, кроме научного, имели важное значение для формирования национального самосознания белорусов и признания их национальной идентичности со стороны других народов. Евфимий Фёдорович на основе глубокого разноаспектного анализа собранного им колоссального фактического материала показал, что белорусский народ существует как самостоятельная национальная единица, что он, как и другие народы, имеет свою древнюю культуру, богатый язык, бытовые традиции и бездонный источник устно-поэтического творчества.

Важно отметить также ту огромную роль, которую сыграл академик Е.Ф. Карский в организации филологической науки. Он понимал важность собирательской работы, поддерживал и направлял энтузиастов. Так, когда П.В. Шейну было затруднительно разобраться с накопленными объёмными материалами по белорусскому языку, Е.Ф. Карский охотно помогал ему в качестве научного редактора. В течение 12 лет (до 1917 г.) он являлся редактором одного из ведущих российских научных журналов – «Русского филологического вестника», значительно разнообразил его тематику и расширил объём (в отдельных выпусках – почти вдвое). Кроме того, Евфимий Карский с успехом редактировал «Известия отделения русского языка и словесности Академии наук СССР» (с 1920 по 1927 г.), «Известия по русскому языку и словесности» (с 1928 по 1930 г.). Под редакцией Е.Ф. Карского уже после смерти академика вышел I-ый том «Известий Комиссии по русскому языку».

В целом Евфимий Карский напечатал 1052 работы. Большая их часть так или иначе связана с разработкой вопросов белорусского языкознания, которому учёный отдал почти полвека своей научной деятельности. Целый ряд исследований были написаны им в соавторстве (с В.М. Истриным, В.М. Перетцем, М.Н. Сперанским, Б.М. Ляпуновым, П.А. Лавровым и др.). Последним из опубликованных академиком прижизненных исследований стала статья на белорусском языке «Сатырыко-камічныя творы беларускай літаратуры» [Карскі 1930].

Умер академик 29 апреля 1931 г. после обострения застарелой болезни сердца, и был похоронен на Смоленском православном кладбище Ленинграда.

Достижения Евфимия Карского в области славистики и палеографии высоко оценивались научной общественностью: в 1898 г. Е.Ф. Карский был избран членом Археологической комиссии Московского археологического общества, членом-корреспондентом Общества любителей древней письменности, в 1901 г., как уже отмечалось, – экстраординарным академиком, а в 1916 г. – ординарным академиком Российской Академии наук по От-

делению русского языка и словесности. Кроме того, Евфимий Фёдорович был делегатом I-го Международного съезда славянских географов и этнографов в Праге (1924 г.), изби-

рался почётным членом Общества любителей российской словесности (1925 г.) и Общества любителей древней письменности и искусств в Ленинграде (1927 г.). В 1929 г. он стал членом Чешской академии наук, а через год был избран доктором *honoris causa* Пражского университета.

За свою жизнь академик Е.Ф. Карский получил немало наград. Среди них орден Святого Станислава III степени и II степени, Святой Анны III степени и II степени, Святого равноапостольного князя Владимира IV степени, а также медали «В память царствования императора Александра III», «В память 300-летия царствования Дома Романовых», был награждён Большой золотой медалью Русского географического общества, золотыми медалями имени Батюшкова, имел титул «Действительный статский советник». Но лучшим памятником Евфимию Фёдоровичу Карскому – исследователю, который стоял у истоков восточнославянской гуманитаристики, могло бы стать полное академическое собрание его научных сочинений, изданное благодарными потомками.

Литература

1. Баркоўская Н.Я. Мой бацька // Польшыя. 1961. № 1. 156 – 157.
2. Баркоўскі В.І. Сардэчнае дзякуй майму настаўніку // Польшыя. 1961. № 1. С. 155.
3. БГУ – Белорусский Государственный Университет за 1921 – 22 акад. год / сост. С.З. Каценбогин. Минск: Гос. Изд-во Белоруссии, 1922. 40 с.
4. Б-ка А. 3-ці вечар «Польшыя» // Польшыя. 1923. № 3 – 4. С. 125 – 127.
5. Борковский В.И. Академик Е.Ф. Карский (1861 – 1931) // Учёные записки Ярославского Педагогического Института. Вып. 5. Педагогика. 1945. С. 1 – 44.
6. БСЭ – Большая советская энциклопедия / Гл. ред. О.Ю. Шмидт. Т. 31: Камбоджа – Кауфмана пик. М.: ОГИЗ СССР, 1931. 807 с.
7. Булахов М.Г. Евфимий Фёдорович Карский: жизнь, научная и общественная деятельность / Под ред. В.И. Борковского. Минск: Издательство БГУ, 1981. 272 с.
8. Дзяржынскі Ул. «Белорусы» Е.Ф. Карскага // Польшыя. 1923. № 2. С. 112 – 132.
9. Дзятко Д. Яўхім Карскі: бацька навуковага беларусазнаўства. Мінск: Харвест, 2014. 64 с.
10. Дзятко Д., Чарнякевіч Ц. Жыццёвыя шляхі акадэміка Яўхіма Карскага // Роднае слова. 2011. № 1. С. 34 – 40.
11. Досталь М.Ю. Е.Ф. Карский в годы «советизации» Академии наук // Известия Академии наук. Серия литературы и языка. 1995. Т. 54. № 3. С. 77 – 82.
12. Запрудскі І.М., Казакова І.В., Кароткі У.Г. Прадмова да трэцяга тома працы Я.Ф. Карскага «Беларусы» // Карский Е.Ф. Беларусы: В 3-х т. Т. 3, кн. 1: Очерки словесности белорусского племени. Минск: БелЭн, 2007. С. 5 – 28.
13. ИЯ – Институт языкознания АН БССР. Предисловие // Карский Е.Ф. Белору-сы. Язык белорусского народа. Вып. 1: Исторический обзор звуков белорусского языка. М.: Изд-во АН СССР, 1955. С. 3 – 5.
14. Карская Т.С. Эпистолярное наследие академика Е.Ф. Карского // Весці АН БССР. Серыя грамадскіх навук. 1982. № 1. С. 109 – 116.

15. *Карскі Я.Ф.* Сатырыко-камічныя творы беларускай літэратуры // *Vseslavenski zbornik: spomenica o tisućugodišnjici hrvatskoga kraljevstva*. Zagreb, 1930. С. 108 – 119.
16. *Карский А.* Нежинская школа славистов: Р.Ф. Брандт, М.И. Соколов, Е.Ф. Карский // Ю.Ф. Карський і сучасне мовознавство: матеріали XI міжнародних Карських читань (18 – 19 вересня 2007 р.). Ніжин Гродно, 2008. 178 с.
17. *Карский Е.Ф.* Белорусы: В 3-х т. Т. 1: Введение в изучение языка и народной словесности. Варшава: Типография Варшавского учебного округа, 1903. 466 с.
18. *Карский Е.Ф.* Белорусы: В 3-х т. Т. 2: Язык белорусского племени. Кн. 1: Исторический очерк звуков белорусского наречия. Варшава: Типография Варшавского учебного округа, 1908. 579 с.
19. *Карский Е.Ф.* К истории звуков и форм белорусской речи. Варшава: Русский филологический вестник, 1893. 313 с.
20. *Карский Е.Ф.* Обзор звуков и форм белорусской речи. М.: Историко-филологический институт князя Безбородко в Нежине, 1885. 170 с.
21. *Карский Е.Ф.* Отчёт о поездке в Белоруссию в 1903 г. СПб.: Типография М. Сасюлевича, 1905. 32 с.
22. *Карский Е.Ф.* Очерк научной разработки русского языка в пределах СССР // *Сб. ОРЯС*. 1926. Т. 101. № 1. 103 с.
23. *Карский Е.Ф.* Русская диалектология: очерк литературного русского произношения и народной речи великорусской (южновеликорусских и северновеликорусских говоров), белорусской и малорусской (украинского языка). Ленинград, 1924. 1/2 с.
24. *Карский Е.Ф.* Славянская кирилловская палеография. Ленинград, 1928. 494 с.
25. *Карский Е.Ф.* Что предстоит сделать по белорусскому языку и литературе. Минск: Народный комиссариат просвещения, 1921. 4 с.
26. *КЕФ – Карский Евфимий Фёдорович* (к 150-летию со дня рождения): библиографический обзор / авт.-сост. А.А. Карский. Гродно: Изд-во ГрГУ, 2010. 122 с.
27. *Ляпунов Б.М.* Очерк жизни и деятельности академика Е.Ф. Карского // *Известия АН СССР. Отделение общественных наук*. 1932. № 3. С. 167 – 197.
28. *НАРБ – Национальный архив Республики Беларусь*. Фонд. 42. Описание 1. Единица хранения 1201.
29. *НГА – Нежинский государственный архив*. Ф. 1105. Описание 1. Единица хранения 186.
30. *Программа – Программа для собирания особенностей народных говоров. III. Программа для собирания особенностей белорусского наречия* / Сост. Е.Ф. Карский. СПб.: Типография Императорской Академии наук, 1896. 50 с.
31. *Протоколы – Протоколы заседаний общего собрания Императорской Академии наук* (СПб., 1916) // Санкт-Петербургский филиал архива Российской Академии наук. Фонд 1. Описание 1а. Единица хранения 163.
32. *Рублевская Г.И., Скалабан В.В.* Время и бремя архивов и времён. Минск: ЛіМ, 2009. 192 с.
33. *Самойленко А.Г.* От лектора до ректора: личное дело Ефима Фёдоровича Карского в *Archiwum Państwowe M. St. Warszawy* / А.Г. Самойленко // Е.Ф. Карский и современное языкознание: материалы XII Международных научных чтений (Гродно, 20 – 21 мая 2010 г.) / Ред. кол.: М.И. Конюшкевич (гл. ред.) и др. Гродно, 2011. С. 4 – 13.
34. *Спадчына – Спадчына акадэміка Яўхіма Карскага: да 150-годдзя з дня нараджэння* [Электронны рэсурс] (1,5 Гб). – Мінск: Нацыянальная бібліятэка Беларусі, 2010. – 1 электрон. опт. диск (CD-ROM).
35. *Тумаш В.* Выбранные работы. Минск: Библиотека часопіса «Беларускі Гістарычны Агляд», 2002. 246 с.
36. *Успенский Б.А.* История русского литературного языка (XI – XVII вв.). М.: Аспект Пресс, 2002. 558 с.
37. *Rozmowa – On pierwszy wytyczył granice języka białoruskiego: rozmowa z Aleksandrem Karskim, wnukiem Jauchima Karskiego, pioniera białoruskiego językoznawstwa* // *Czasopis*. 2010. № 5. S. 41 – 44.

Основные научные работы академика Е.Ф. Карского

1. Обзор звуков и форм белорусской речи. Москва, 1886 (год издания на обложке – 1885). 170 с. (Извлечено из т. 10 «Известий Историко-филологического института князя Безбородко в Нежине» за 1885 – 1886 гг.).
2. Грамматика древнего церковнославянского языка, сравнительно с русским: курс средних учебных заведений. Вильна, 1888. 128 с. (19-е изд.: Сергиев Посад, 1917).
3. К вопросу о разработке старого западнорусского наречия: библиографический очерк. Вильна, 1893. 48 с. (Извлечено из: Труды Виленского отделения Московского предварительного комитета по устройству в Вильне IX Археологического съезда. Вильна, 1892. С. 36 – 48).
4. К истории звуков и форм белорусской речи. Варшава, 1893. 313 с. (Отдельный оттиск из: Русский филологический вестник. 1890 – 1893. Т. 23, 24, 26 – 30).
5. Православные святыни г. Вильны / Издание Постоянной комиссии по устройству народных чтений. Санкт-Петербург, 1893. 43 с.
6. О языке так называемых Литовских летописей. Варшава, 1894. 64 с. (Отдельный оттиск из: Варшавские университетские известия. 1894. № 2. С. 1 – 32; № 3. С. 33 – 64)
7. Западнорусские переводы Псалтыри в XV – XVII веках. Варшава, 1896. 444 с.
8. Западнорусский сборник XV века, принадлежащий Императорской Публичной библиотеке. Q. I. № 391: палеографические особенности, состав и язык рукописи. Санкт-Петербург, 1897. 73 с.
9. Западнорусское сказание о Сивилле-пророчице по рукописи XVI века: текст сказания, его состав и язык. Варшава, 1898. 32 с. (Оттиск из: Варшавские университетские известия. 1898. № 2. С. 1 – 32).
10. Белорусы. Кн. 1. Введение в изучение языка и народной словесности. Варшава, 1903. 466 с. (То же: издание Виленского генерал-губернаторского управления. Вильна, 1904. 466 с.).
11. Материалы для изучения белорусских говоров. Вып. 4 / Сборник Отделения русского языка и словесности Академии наук. 1903. Т. 75, № 5. С. 1 – 72.
12. Белорусы. Т. 2. Язык белорусского племени. 1. Исторический очерк звуков белорусского наречия. Варшава, 1908. 579 с.
13. Белорусы. Т. 2. Язык белорусского племени. 2. Исторический очерк словообразования и словоизменения в белорусском наречии. Варшава, 1911. 408 с.
14. Белорусы. Т. 2. Язык белорусского племени. 3. Очерки синтаксиса белорусского наречия. Дополнения и поправки. Варшава, 1912. 347 с.
15. Белорусы. Т. 3. Очерки словесности белорусского племени. 1. Народная поэзия. Москва, 1916. 557 с.
16. Этнографическая карта белорусского племени. Петроград, 1917. 32 с. (Труды Комиссии по изучению племенного состава населения России / Российская академия наук).
17. Белорусская речь: очерк народного языка с историческим освещением / Издание Белорусского областного комитета при Всероссийском Совете крестьянских депутатов. Петроград, 1918. 60 с.
18. Беларускі народ і яго мова. Менск, 1920. 15 с.
19. Что предстоит сделать по белорусскому языку и литературе. Минск, 1921. 4 с.
20. Белорусы. Т. 3. Очерки словесности белорусского племени. 2. Старая западно-русская письменность. Петроград, 1921. 246 с.
20. Белорусы. Т. 3. Очерки словесности белорусского племени. 3. Художественная литература на народном языке. Петроград, 1922. 454 с.
21. Русская диалектология: очерк литературного русского произношения и народной речи великорусской (южновеликорусских и северновеликорусских говоров), белорусской и малорусской (украинского языка). Ленинград, 1924. 172 с.
22. Очерк научной разработки русского языка в пределах СССР // Сборник Отделения русского языка и словесности Академии наук. 1926. Т. 101, № 1. 103 с.
23. Славянская кирилловская палеография. Ленинград, 1928. 494 с.

о
о
о
о
о
о

SUMMARY

The second edition of the collective monograph «Lexicographic Studies 2014» is a result of an international academic cooperation of the research innovative *Laboratory of an Aspective Lexicography* (Russia, Bashkir State University, Sterlitamak Branch, Philological Department, Chair of the Russian language, Stylistics and Journalism) and the *Chair of the Byelorussian Linguistics* (Byelarus, Minsk, Byelorussian State Pedagogical University named after Maxim Tank, Department of the Byelorussian and Russian Philology).

Modern lexicography has succeeded in overcoming the complex of a developing scientific discipline and escaped from a persistent synchronization of new theoretical statements with some practical devices. As a result, an internal structure of lexicography has been renewed and we've got an opportunity to speak about an open lexicographic prospect. In this regard, the authors and editorial board of the international collective monograph had an intention to fully model a lexicographical structure as a unity of its comparative historical, systemic-structural, anthropocentric and introspective paradigms.

In the first section «Comparative-historical paradigm of modern Lexicography» there is presented a theoretical description of the principles of compiling a historical dictionary of a new type – diachronic word-formation dictionary of etymological nests which helps to describe a process of forming a bulk of genetically close words of the Russian language from proto-Slavic to modern state.

In the context of a systemic-structural paradigm of modern lexicography there is the second section of the monograph where you can find:

- 1) a field model of description of Russian neologisms of the beginning of the XXI century in the form of lexical fields «Leisure», «Meals», «Lifestyle»;
- 2) a fragment of the dictionary of modern terminology of motor sports;
- 3) a systematic description of terminological units of modern jazz and related forms of musical arts.

In the context of an anthropocentric paradigm of modern lexicography (third section) there can be found:

- 1) a fragment of A.K. Tolstoy's poetry dictionary;
- 2) a fragment of a descriptive dictionary of verbal representations of associations of the key idea «Soul» in the Russian poetic texts in the middle of the XX – beginning of the XXI centuries;
- 3) a fragment of the dictionary reflecting a system of common and private concepts of the functional cognitive sphere «Material state» in the modern Russian language.

The fourth section «Introspective paradigm of modern lexicography» includes four parts.

The first part contains the analysis of the bulk of the Belarusian dialect dictionaries in 1991 – 2014 and points out topical problems of modern lexicology.

The following three parts present scientific publicistic descriptions of the life and work of the following linguists: the famous East Slavic philologist academician E.F. Karpsky; professor M.G. Bulakhov – the author of the fundamental dictionaries and encyclopedias; the famous Russian dialectologist professor of the Bashkir State University Z.P. Zdobnova. As a creative addition to the theoretical information, photographs from the archives of the Belarusian National Library, M.G. Bulakhov's daughter and Z.P. Zdobnova's archive are given in the monograph representing lexicography as a living scientific discipline supported by enthusiastic researchers fully devoted to their work.

N.V. Pyataeva, N.B. Mukhin